

НАСТОЯЩАЯ
ФАНТАСТИКА

СЕРГЕЙ ЦИКАВЫЙ

ЗАМЕНА

Можно заменить человека. Нельзя заменить человечность.

Сергей Цикавый

Замена

«Снежный Ком»

2014

Цикавый С.

Замена / С. Цикавый — «Снежный Ком», 2014

Учительница литературы Соня Витглиц каждое утро просыпается от боли. Её ждут лицеисты, уроки, контрольные работы – рутина. И такой же рутиной стало для неё второе обличье лица: жуткое, невероятное, засекреченное. Впрочем, мир Сони Витглиц пережил два Сдвига – нарушения пространственно-временного континуума, – и обзавелся многими страшными секретами. Но почему она боится появления второго учителя литературы – своей замены? Почему прибыл новый начальник службы безопасности? В противостоянии безжалостных спецслужб и столь же безжалостных законов Мироздания судьба человека – песчинка. Но и она может остановить адский механизм.

Содержание

Немного огня	6
1: Теперь ты	9
2: Лихорадка	19
3: Смутные дни	30
4: Ночь	40
5: Из мышеловки	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Сергей Цикавый

Замена

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

*Как уже должен будет антихрист родиться,
всюду будут ученики и учителя;
но то не учителя будут, а мучители;
не ученики, а мученики*

А. Свидницкий

*Если есть вход, то есть и выход. Так устроено почти все.
Ящик для писем, пылесос, зоопарк, чайник...
Но, конечно, существуют вещи, устроенные иначе.
Например, мышеловка.*

Х. Мураками

Немного огня

Святой Георгий горел.

Горел обстоятельно, качественно, словно сложен был не из камня. Пожар виден был только отсюда – с подвесных железных дорог над заливом маркиза де Помбала – тем более, что в этой пустыне зрителей много не нашлось. Вернее сказать, их нашлось всего пятеро: серых, неприметных, почти одинаковых – они смотрели на огонь, уничтожающий древнюю твердыню, и ждали. Разрушенный приливами Лиссабон простирался на мили и мили, за спинами у серых дышал океан, а из пожара вылетали искры.

Вылетали – и скрывались в ночи. Одна искра выросла, развалилась на три пятна света и стала сама – пожаром: громким, рокочущим. Черная машина прошла над посадочной станцией железной дороги, над головами серых людей, мелькнули проблесковые огни. Прошла – и тишина взялась подчищать ее след.

– Отчеты уже поступают, – сказал один из серых.

И снова стало безмолвно, снова дышал океан и догорал неслышный пожар. Далеко на севере зажглась еще одна искра: то шел к станции ночной поезд.

– По первым данным, план оправдывается.

И снова – молчание.

Серые говорили по очереди, говорили в пустоту, словно персонажи рекламных роликов. Они много чего еще сказали – малозначимого и наверняка судьбоносного, важного, опасного. Иначе зачем им было стоять в ночи на изъеденном ржавчиной полустанке, над пустошью, бывшей когда-то столицей. Иначе зачем?

– Зачем?

– Это последние сведения. Их нужно передать лично.

Пожар стихал, и четверо серых ушли к лестнице – вниз, а один остался, оглушенный грохотом подходящего поезда. Ему предстояли три часа в переполненной электричке. Поезд шел над пустыней, собирая рабочих.

* * *

Комната казалась капищем безумца.

Высокое солнце взрезало жалюзи, и его лучи касались огромного жертвенника – стены, испещренной фотографиями, записками и вырезками, распечатками и даже флэшками в виде брелоков. Скотч, булавки, лейкопластырь – человек в сером мог поклясться, что видел даже гвоздь. Увидел – и сейчас же его потерял в мнимом хаосе.

Там, где просвечивались обои, расположились стрелки. Там, где обоев не было видно, – их заменяли нити.

Человек в сером рассматривал этот алтарь, а потом коснулся пальцем размытого снимка в самом центре композиции. Больничный коридор, худая старуха в пижаме, высокий врач. Серый присмотрелся: края фотографии срезали, но все равно было видно, что снимок едва успели спасти из огня.

А старуха оказалась девочкой. Просто седой.

На лестнице послышались шаги, и человек в сером с интересом подумал, какие будут первые слова хозяйки.

– Старк, я вас не звала.

Человек в сером обернулся. Из-за фотографии выпала лента кардиограммы, распрямилась и так и осталась висеть – белый росчерк в полстены.

– Доброе утро, Джоан, – сказал серый. – Простите, такая работа.

Женщина вошла в квартиру и принялась стаскивать тяжелую армейскую куртку. Пахло гарью и пылью.

– Я выслала подробный отчет, всё, – сказала она. – Закончили на этом.

– Да, Джоан. На этом – закончили.

– Я уже начала изучать материалы.

Человек в сером покосился на стену и улыбнулся. Солнце полоснуло по его широкой, почти дружелюбной улыбке.

– Вижу.

– Красиво, правда? – спросила женщина, исчезая за дверцей шкафа.

– Вы ведь не забудете это уничтожить?

– Да можете хоть сейчас сжечь.

Человек в сером смотрел, как она переодевается в домашнее, как двигается по комнате. Джоан остановилась, собрала свои длинные волосы в кулак и обнюхала.

– Кошмар. Я иду смывать эту гарь. Если у вас ничего конкретного – до свидания.

– Я хотел спросить, сколько вам понадобится времени на рекондicionирование.

Женщина потрепала хвост волос и еще раз потянула носом воздух.

– Нисколько. И не такая дрянь случается.

– Вы уверены? Строго говоря, вы не обязаны были присутствовать в замке...

Она рассмеялась, и серый напрасно искал в ее легком смехе нотки истерики.

– Перестаньте, Старк. Меня приписали к Келсо, а после такого странно заботиться о душевном здоровье.

– Простите, Джоан. Такая работа.

– Мне нужно пятнадцать минут на душ, и я снова ваша.

Человек в сером кивнул и вытащил из-за борта пиджака конверт, положил на стол. Женщина поскоблила ногтем бумагу и улыбнулась уголком рта. Солнце поднялось немного выше, оно теперь играло пылинками у самого пола.

– В вашем распоряжении три дня, – сказал наконец серый.

– Щедро, – кивнула она. – Служу концерну.

– Вам понравился Лиссабон?

– Очень пустая и очень разрушенная Венеция.

– Говорят, в пылевую бурю здесь красиво. Зимой.

– Огни Святого Эльма, сухая поземка. Еще наверняка замерзшие приливы в каналах... – задумчиво сказала Джоан. – Электрички не ходят, холодно и голодно.

– Вы разбираетесь в прекрасном, мисс Малкольм.

– Служу концерну, – ответила женщина. – Убирайтесь.

– Забыл сказать, Джоан. Вашего подопечного переводят вместе с вами.

Человек в сером искал что-то в ее лице, что-то важное, – должно быть, тревогу, усталость или отвращение, – но видел лишь улыбку.

– Старк, Старк. Я уже поняла это. А вы – невнимательны.

– Увы, Джоан.

– А вы уже получили распределение в Белую группу?

Он кивнул – больше ничего не оставалось. Женщина, пахнувшая дымом, знала больше человека в сером. Она двигалась, оставляя за собой нефтяные пятна вещей: жилет, черную водолазку, футляр с ноутбуком.

Когда Малкольм остановилась перед Старком, на ней осталось только белье и майка.

Без одежды женщина была похожа на вешалку – бледную, свитую из толстой проволоки вешалку.

– Надеюсь, в новом лице не нужна будет пролетарская конспирация?

– Нет. Вы – доктор Джоан Малкольм, физик. Самые широкие полномочия. Вы – всего лишь вы.

Джоан Малкольм постучала указательным пальцем по губам, покосилась на стену-алтарь.

– «Я – это я»?

– Именно.

– Замечательно.

Человек в сером пошел к двери. Щелкнула задвижка в ванную, зашипела вода. Старк еще раз посмотрел на бумажное капище. Солнце сошло с него, матово блестели фотографии и флэшки. Лента кардиограммы полосовала стену, как разметка дороги.

Мистер Старк, человек в сером, закрыл за собой дверь, и только когда защелка замка вошла в паз, позволил себе выдохнуть. Лестница была не метена со времен Второго сдвига, почти наверняка ее облюбовали поколения котов, но серый человек слышал только один запах.

Гарь.

* * *

Выйдя из душа, Джоан Малкольм пошла напрямик к столику. Она думала о чем-то, шевелила губами, а ладони ее, как корсет, придерживали поясницу – словно готовую вот-вот переломиться. Женщина села, открыла ноутбук и несколькими касаниями разогнала с экрана окна браузеров – оставила только поле текстового документа. Мокрые волосы застели глаза и кололи шею, и она нетерпеливо собрала их в хвост, закусила особенно строптивый локон зубами. Комнату по-прежнему пятнала неубранная одежда, источающая запах пожара, а Джоан гладила клавиши кончиками пальцев, смотрела в чешуйчатую и пеструю стену – в одну точку.

Ей отвечал взгляд беловолосой девочки с обожженного фото.

<Кажется, ты можешь мне помочь. Ты интересная. Ты почему-то всюду: на моей стене, в моей памяти. Чем больше тебя – тем больше вопросов, и это странно, это неправильно.

Ты больна, ты почти мертва уже почти три десятка лет – прямо как эта планета. Но ты почему-то каждое утро встаешь и идешь на работу, ты думаешь и что-то делаешь. В твоём прошлом тайна, в твоём настоящем – кошмар.

И это интересно.

Ты почти мертва, ты больна. Но ты мне поможешь.

05 окт. doc>

1: Теперь ты

Я снова проснулась с головной болью. Действие таблетки закончилось, а значит, мне пора. Пора открыть глаза, пора смотреть, как просачивается утро в щели тяжелых штор. Пора слушать шум крови в висках.

Пора, сказала я себе.

Когда я просыпаюсь от боли, мир всегда одинаковый: тусклый, как выгоревший кинескоп. *«Ты скоро перейдешь на армейские болеутоляющие».*

Даже сейчас я помню, кто и когда это сказал. Я могу восстановить до мелочей тот разговор – вплоть до блика света на стакане – только мне это не поможет. *«Помощь»*. Надо всего лишь повернуть голову, всего лишь. На тумбочке у кровати лежит опрокинутая и открытая капсула: я не успела ее вчера закрыть. Уснула. В капсуле – двадцать три серо-голубые таблетки. Двадцать три сеанса двухчасового покоя, ради которого стоит все же повернуть тяжелую звенящую голову. Стоит. Потом – стоит протянуть руку, стоит приподняться и уж точно стоит сесть в кровати. Стоит как можно чаще мысленно повторять «стоит».

В глазах потемнело, потому что совсем рядом с капсулой ожил телефон. Я поняла, что прикусила губу, и поторопилась разжать зубы. Виброзвонок разбудил другие звуки – звон стакана, шорох спасительных таблеток. В глазах зарябило.

Виброзвонок был одного цвета с моей болью.

Я протянула руку и нашла дрожащий аппарат. Простой кожзаменитель, черный глянец футляра, флип на магнитной застежке. Я держала ладонь на зовущем телефоне, и боль отпустила: она точно знала, что сполна получит свое, ведь вызов не означал ничего, кроме работы.

– Да.

– Соня, это я.

– Я слушаю, директор Куарэ.

– Замена оказалась бесполезна.

– Я поняла.

Я давно поняла, и потому успела убрать от уха трубку, прежде чем в ней начал биться зуммер отбоя. *«Давно поняла»* – отличная мысль, чтобы как следует проснуться и стиснуть в кулаке маленький серо-голубой кругляш.

Добро пожаловать в новый день.

В туалете я почти пришла в себя. Бачок за ночь сам собой не починился, а вот лампочка светлела на глазах, и электросеть была не при чем: это начинало действовать лекарство. Боль еще билась в голову, стучала в виски, но ее место уверенно занимал белый шум – немножко безразличия, немножко заторможенности. Немножко обычной меня.

«А так и не скажешь», – решила я, рассматривая свое отражение в зеркале. Поводок боли опасно подрагивал: она пряталась, и я все еще боялась даже приоткрыть рот. Со сплошного фона желтоватого кафеля на меня смотрела я сама, и до всех прочих дел стоило исправить одну деталь – глаза.

Или две, потому что сначала нужно умыться.

Не отрывая взгляда от кончика носа, я нашарила пузырек с жидким мылом. Чужие слова шевельнулись в памяти: *«Слушай, ну чем ты так пересушиваешь себе кожу? Средством для мытья посуды?»*

Обязательно посмотрю на этикетку, Николь. Как-нибудь в другой раз.

Гудящий водоворот уходил в слив, шумел кран – мне даже когда-то объясняли, почему краны шумят. До того я считала, что они должны шуметь, что это их ежеутренняя обязанность – грохотать над самым ухом.

Выпрямляясь, я поняла, что боли больше нет, и поискала взглядом часы: семь двадцать. Я вытирала лицо, следила за секундной стрелкой и ловила ее ритм. Еще около семи тысяч «тик» – и пойдет новый отсчет.

Коробочка с контактными линзами, уже почти пустой флакон с раствором – иногда мне кажется, что я могу смотреть на них бесконечно. Иногда мне кажется, что их лучше выкинуть и прийти на работу, как есть. Подумаешь: всего лишь добавится еще одна кличка.

Подумаешь, повторила я и запрокинула голову, чтобы промыть глаза, посмотреть на потолок сквозь зудящую дымку. Выловила из контейнера первую линзу. Вечная утренняя игра: левый глаз сначала или правый? Я опустила линзу на левый глаз. Противная дрожь, секундное ощущение чужого, а потом тонкая пленка нагрелась и стала родной. Я поморгала, посмотрела на себя в зеркало. Правый глаз был мой: янтарная, с алыми штришками радужка, а левый... Левый глаз тоже был моим – стал моим: темно-серый, почти обычный, настолько обычный, что можно даже сказать: «как у всех».

«Как у некоторых из всех», – поправила я себя и принялась за вторую линзу. Интерес к действию стремительно таял: белый шум в голове набирал обороты, оставляя там только схему привычного маршрута. Кухня (холодильник: на второй полочке банка с джемом; полка у плиты: хлебная нарезка, тостер... Поломанный тостер). Потом платяной шкаф. В шкафу четыре комплекта серых костюмов плюс один запасной в правом углу – все верно, сегодня четверг. Ночную рубашку бросить на спинку стула. Белье – в ящике.

Я одернула пиджак, одернула юбку: шов теперь шел там, где надо. Я вздохнула. Я всячески старалась отсрочить момент, когда надо обернуться к столу, взять материалы на сегодня и, сверившись с расписанием, наконец понять, что меня ждет сегодня.

И только у двери я поняла, что снова не накрасила губы. *«Все равно. В портфеле была помада».*

Кажется, была.

* * *

На улице шел дождь, и камни брусчатки разделяла паутина воды. Деревья вращались в сплошное облако липкого тумана. Из облака выпадали тяжелые промокшие листья, но куда чаще – просто вода.

На улице стоял безнадежный октябрь.

Я шла по бордюру: каблукам очень не нравился дикий камень брусчатки. Справа показалось преподавательское общежитие, слева – ближний край беговой дорожки. На спицах зонтика, как приклеенные, повисли капли, и я больше смотрела на них, чем под ноги. Капли ведь обязательно упадут, а я – нет.

Капли были куда интереснее.

Всего три занятия, думала я, глядя на каплю. Сонеты Гете в 2-С, сонеты Гете в 2-D и Райнер Мария Рильке в 3-В. Три урока поэзии, замечательной поэзии, которую дети ненавидят. Я слишком люблю лирику, чтобы вести такие уроки.

Подходя к главному корпусу лицея, я твердо знала одно: действие таблетки закончится прямо посреди урока. Но пока впереди меня ждали группки тех, кого не напугал дождь и кто очень хотел с утра курить.

– Здравствуйте, мисс Витглиц!

– Учитель Витглиц, доброе утро!

Англичане, русские, немцы – все они здоровались. Всегда. Они всегда громко здоровались, вонзая иголки прямо в белый шум, словно пытаясь дотянуться до спрятанной там боли. Особенно японцы: «Уитцугуритцу-сенсей», – это ужасно.

Я кивнула и прошла мимо. Скопления зонтиков задвигались, и я приготовилась к острому комментарию в спину.

– Соня, привет!

Опершись на перила, у самых дверей стояла замдиректора по учебной работе.

– Доброе утро, пани Марущак.

Сложить зонтик, не слушать гогот за спиной.

– Не накурились еще, горе-лицеисты?! – прикрикнула замдиректора. – Занятия начинаются через пять минут.

Я слушала делано бодрые и приветливые ответы о том, что никто не курит, что все уже идут и все всё помнят. Под зонтами завис мокрый тяжелый дым, в приглушенных ответах «для своих» даже я разобрала непечатные комментарии.

Все как всегда.

– Соня, я тебя уволю, если ты не прекратишь называть меня «пани Марущак», поняла? – ухмыльнулась замдиректора и схватила меня за руку. – Живо за мной. Директор хочет тебя видеть.

Все действительно как всегда: дежурная шутка, пальцы на запястье. Дальше будет дежурная встреча в темном кабинете. А я ведь надеялась сегодня отдохнуть – так надеялась, что только сейчас поняла это.

Марущак почти волокла меня по коридору. *«Я знаю дорогу». «Я дойду сама». «Вы делаете мне больно».* Это все были очень правильные слова, но замдиректора просто считала, что мне нужна поддержка. И она при этом не навязывалась с разговорами и не выпрашивала ничего.

Она хорошая женщина.

– Митников снова отгул попросил, четыре занятия в расписании тасовать, – ворчала Анжела Марущак, цокая каблуками по лестнице. – И этот новенький тебя подвел. А еще у Мовчан снова какие-то проблемы с лекарствами от бессонницы, так что ночные дежурные...

«Не у одной у тебя все плохо», – подбодряла меня Марущак, которая на самом деле была хорошей женщиной. Грустные новости все не заканчивались, а мы уже почти вбежали в короткое учительское крыло. Мы шли между старых дубовых панелей, между дверей кабинетов, – и только что проскочили мимо моего.

Кабинет директора Куарэ находился в тупике, и осветитель над его дверью вечно перегорал.

– Давай, Сонечка, – вздохнула Марущак. – Ты точно в порядке?

– Да, пани Анжела. Спасибо.

Во взгляде женщины было нечто вроде «неужели?»», но в полутьме ошибиться несложно. Возможно, она меня просто разглядывала. Я вежливо изучала переносицу замдиректора, почти скрытую тенью челки, и невольно прислушивалась к шуму за дверью. Там, без сомнения, спорили.

– Да, он еще у директора, – сказала Марущак, указывая на дверь. – Посидишь в приемной.

– Хорошо, пани Марущак.

Замдиректора вздохнула. Ей явно нужно было куда-то, но ей туда не хотелось. Вполне возможно, что ее ждало то самое расписание, которое придется перекраивать из-за отпросившегося Константина Митникова. Замдиректора демонстративно зевнула и пожаловалась:

– Представляешь, я его встречала и везла сюда. Поезд в полпятого прибыл. Не выспалась – кошмарище.

Я молчала. Моей реакции не требовалось, а требовалось мое участие. Как плохое оправдание, чтобы отложить работу на потом.

– Симпатичный, кстати, паренек, – мечтательно произнесла женщина. – Только нервный какой-то и злой.

Ни слова о том, подходит ли он лицу. Ни слова о его данных – кроме как о внешних. Марущак – очень хорошая женщина, но очень увлекающаяся.

– Мне надо идти, – сказала я, указывая на дверь.

– Они же еще разговаривают, – разочаровано сказала Марущак. – Господин директор не теряет надежды его уломать. В конце концов, их первая встреча за восемь лет.

О том, что новый учитель мировой литературы – сын директора Куарэ, я слышала, но не слишком вникала, поскольку слух этот распространяла Фоглайн.

– Понимаю.

На самом деле я ничего не понимала. Директор давно не общался с сыном, никогда о нем не говорил, но теперь рассчитывает нанять его на работу. Можно обсудить несурязицу с замдиректора Марущак, – и она, судя по взгляду, того и ждет, – но это значит завязывать длинный разговор.

Тогда как «понимаю» – это несколько минут, проведенных наедине с отсутствием боли.

– Ладно, иди уже, – вздохнула пани Анжела. – Присядь.

Я открыла дверь в приемную. Секретаря еще не было, но ее компьютер уже включили. Пахло сыростью, забытым на ночь открытым окном и прелой листвой. Я опустилась в прохладное кресло для посетителей. Кожа тоже скрипела, кожа тоже замерзла за ночь, и сидеть было неуютно. С моего зонта капало.

Двойная дверь в кабинет оказалась приоткрыта, так что, даже сосредоточившись на маленькой лужице под сложенным зонтом, я слышала обрывки разговора.

– ...и еще раз, отец. Аспирантура в двух вузах, продление гранта в любом из них.

Голос был молодым. Куарэ-младший говорил напористо и резко – даже слишком резко для уверенного в себе человека. Я прислушалась: голос хорошо поставлен – значит, много практики было. Школы? Летние семинары? Или, может, даже доклады на конференциях?

– Очень хорошо, – ответил директор. – Тогда я тоже повторю. Ты рассмотрел сумму оклада?

Куарэ-старший разговаривал сейчас не с сыном. Он разговаривал с подчиненным, который уже его подчиненный, но не желает этого признавать.

Лужица под зонтом увеличивалась. Хотелось одернуть его: фу, плохой, кто это сделал?

– Сумма? – переспросил сын. – Я думал, ты позвал, чтобы поговорить о матери. О ее работе. А ты суешь мне деньги?

– Этот лицей – это и есть продолжение ее работы.

– Ее дело? Мама учила обделенных, учила инвалидов. Это и есть «Образование нового поколения»?

Пауза.

– Ты ничего не знаешь о трудах своей матери, Анатоль.

– Да неужели? А чьими стараниями, не подскажешь?

– Я сохранил память о Инь. Ее дело.

Директор выделил «ее» – как для надоедливой и недалекой ребенка, который не понял с первого раза. Да и с первого ли?

– Вот и расскажи о нем, – посоветовал ребенок. Он уклонялся от прямого столкновения. – Но ты же битый час отговариваешься секретностью, да?

– Я показал тебе именной пакет с грифом – твой пакет. Как только ты будешь принят на работу, сможешь все прочитать.

– Какие могут быть гостайны в образовании? Особо хитрое календарное планирование? Я не знаю зачем, но ты бредишь.

Снова тишина. Я старательно дышала, чувствуя невозможное: ко мне возвращалась боль. Незамеченная за чужими словами, она снова была здесь всего-навсего через тридцать пять минут после приема таблетки.

Стрелки ровно шли себе, запястье подрагивало перед глазами.

«Мне больно», – подумала я, пробуя на вкус ощущение. Ощущение пахло паникой, и тут прозвенел звонок.

Трель, размноженная динамиками, катилась по коридорам лицея. Я почти видела этот старый корпус, где в другом конце здания на этаж выше находился медкабинет. Две минуты до него – или полторы минуты до класса плюс полноценные час двадцать минут занятия.

«Я не занесла в свой кабинет вещи и зонт».

– Я все сказал, сын, – донеслось из-за двери. – Если тебе безразлично дело Инь, убирайся.

– Не угадал. Я убираюсь потому, что мне безразличен такой отец. Всего доброго.

Больно. Больно-больно.

Я встала: сейчас директор выйдет со своим сыном. Значит, надо твердо стоять на ногах.

Дверь распахнулась, выпуская Куарэ-младшего. Парень был высок, во всем джинсовом, нескладен, но его лица я не разглядела. Он запихивал в наплечную сумку тонкий планшетный компьютер, а другой рукой вставлял в ухо пуговку наушника.

Вслед за сыном показался отец.

– Это Соня Витглиц, учитель мировой литературы. Анатолий Куарэ, мой сын.

Я уже не могла рассмотреть его глаза за очками: зрение меня подводило – как и всегда в первые минуты приступа. Куарэ-старший оставил пиджак в кабинете, руки держал в карманах брюк.

«Соня, как твои дела? – Хорошо, профессор Куарэ. – Хорошо, иди в класс».

Вот так это все могло выглядеть, не будь у него сына, а у меня – боли.

– Здравствуйте, мисс Витглиц, – буркнул Куарэ-младший, поднял голову и замер.

«Белые волосы», – поняла я. Это все мои белые волосы.

– Здравствуйте, мсье Куарэ.

Я попыталась поклониться и тотчас же об этом пожалела. Боль плеснула ко лбу, как ртуть, и я покачнулась сильнее, чем хотела.

– Вам нездоровится, Соня? – спросил директор откуда-то снаружи колодца, обитого эхом.

– Все в порядке, господин директор.

Глупо. Как глупо, и как маловажно – переживать о таком.

– Это вас я должен был заменить? – вдруг спросили откуда-то от дверей. *«Его зовут Анатолий»*, – вспомнила я и повернулась к нему.

– Скорее, разгрузить, мсье Куарэ.

Это оказалось неудобно: разговаривать с двумя Куарэ. Это неудобно и больно, больно, больно...

Директор промолчал, но я поняла его немую реплику: *«Не нужно отвечать, Соня. Замена бесполезна»*. Видимо, сын понял смысл молчания точно так же, а поэтому ответил только мне:

– Очень жаль, мисс Витглиц. Выздоровливайте.

«Выздоровливайте»? Это замечательная шутка, Анатолий Куарэ. Я не сказала ничего, ведь нужно было пристально смотреть на перемышку очков господина директора. Через секунду хлопнула дверь.

– Соня.

– Да, профессор?

– Таблетка?

– Она действовала около тридцати пяти минут.

Тишина. Тонкий блик на металле и стекле очков пульсировал в такт ослепительному пульсу. Говорят, у некоторых боль усиливается, только когда пошевелишься. Говорят, некоторые клянут за это судьбу. Готова поменяться ощущениями.

– Иди в медпункт.

«Да, спасибо, директор».

– Нет. В 2-С сегодня эмоциональный контроль. Возможно, после него я смогу дать инструкции ночным дежурным.

– Уверена?

– Да, директор.

Он кивнул и ушел к себе. Я подхватила зонт и пошла наружу – навстречу торопящейся на рабочее место секретарше. «*Все правильно. Все совершенно правильно*». С зонта капало, в коридоре было темно, секретарша забыла облиться своими омерзительными духами.

Все шло просто великолепно.

Полминуты до моего кабинета – оставить вещи, около сорока секунд до класса. А потом целый час двадцать до шанса что-то изменить в таком глупом и таком болезненном начале дня. Я даже не заметила, как первые полминуты стали двумя, а сорок секунд тянулись уже все шестьдесят.

У лестничного пролета меня окликнули.

– Мисс Витглиц!

«*Шестьдесят пять, шестьдесят шесть*», – считала я.

Дам контрольную по пройденному материалу, и буду все занятие следить за их реакцией. Я смогу. Я ведь смогу – не впервой.

– Мисс Витглиц, да подождите же!

Я отвернулась от двери класса, где тихо гудели лицеисты, довольные отсутствием учителя. Еще минуты три, и куратор пойдет меня искать. Рядом стоял Анатолий Куарэ и очень серьезно глядел мне в глаза. Сын директора оказался одного со мной роста, слегка небритый и голубоглазый.

– Простите, мисс Витглиц, вам ведь очень плохо, да?

Требовалось срочно ответить, но что-то шло не так. В общем, я просто кивнула.

Он прикрыл глаза, а потом вдруг вымучено улыбнулся:

– И как дети?

Я смотрела на него, не понимая: «*Дети? У меня нет детей...*» Когда мгновение спустя сквозь боль прорвалось понимание, он уже тряхнул головой:

– А, ладно, чепуха. Тема урока какая?

– Сонеты Гете, – услышала я свой голос.

«*Он же ничего не знает!*»

– Гете... – задумчиво сказал Куарэ-младший и улыбнулся снова. – «*Sollt' ich mich denn so ganz an sie gewöhnen? Das wäre mir zuletzt doch reine Plage...*»¹ Вроде должен справиться. Выздоровливайте, мисс Витглиц. Или, быть может, фройляйн Витглиц?

Он улыбнулся, и за ним закрылась дверь.

«*Он же ничего не понимает!*» Я огляделась: коридор был пуст. Из стрельчатых окон сочился тусклый свет, а за закрытыми дверями классов пульсировал гул. Странный гул работы – странный потому, что я осталась вне его.

Я опустила гудящую голову и пошла в медпункт.

* * *

В ученическом зале столовой, судя по визгу, кого-то как раз доедали, а учительская часть пустовала: похоже, большинство преподавателей успели позавтракать дома. У неуспевших же, видимо, пропал аппетит. Каша оказалась невкусной. Я размешивала уже третью ложку сахара

¹ «Я должен к ней привыкнуть навсегда? / Но это будет настоящей мукой» (сонет «Одним словом», пер. с нем. Р. И. Нудельмана)

в водянистой манке. Содержимое тарелки, соответственно, становилось все более сладким и все менее привлекательным на вкус. Левая рука годилась только на то, чтобы подпирать щеку: если не болит голова, значит, плохо гнется локоть, – все просто, все как всегда у меня.

Я потрогала щеку: горячая. После укола до сих пор слегка знобило, зато – никакой боли, зато – никакого тумана, зато – почти на сутки. И следующий такой укол можно делать не раньше, чем через месяц.

Я сидела над невкусной манкой, помешивала ее и считала минуты до того, как примчится с расспросами Фоглайн. Майя Фоглайн была куратором 2-С и – по совместительству – главой клуба сплетниц.

«*Три минуты*», – подвела итог я, заметив ее у дверей. Классик отнес бы крохотную бодрую шатенку к категории «вечный щенок» – и прогадал бы.

– Привет, Соня. Как самочувствие?

Майя всегда была жизнерадостна. Даже в то утро, когда уборщица нашла ее в коридоре на грани комы.

Меня раздражало то, что она многое делала «для приличия». Вот как, например, сейчас: взяла же зачем-то этот белый чай. Она его никогда не пьет, но на раздаче пока ничего другого нет, а подсаживаться с пустыми руками – это неприлично.

Для Майи.

Словом, Майя – существо настолько непонятное, что я даже не представляю, зачем пытаться ее понять.

– Хорошо. Спасибо.

– Хоро-шо-о? – протянула Фоглайн. – А что ж тебя заменял директорский сын?

Я промолчала: ответ был очевиден настолько, что просто не стоил слов. Вместо этого я сунула в рот ложку каши. «*Сладкая. Ужас*». Желудок спазмом одобрил мысль.

«*Обязательно поешь в следующие час-два*, – сказала в моей памяти Николь, стаскивая перчатку. – *И завязывай со своими недо-завтраками. Фигуру бережешь, что ли?*»

– А он, кстати, прикольный, – с надеждой вздохнула Майя.

Я поощрительно взглянула на нее и запихнула в рот еще одну ложку.

– Вообще, он когда зашел, я уже встала его вывести, – воодушевленно начала Фоглайн. – Встаю такая, а он давай мямлить. Мычал, мычал...

Я вспомнила: «*Вроде должен справиться*», – вспомнила интонации. Сначала это все, а потом – мычал?

– У него хорошее немецкое произношение, – сказала я.

И немедленно об этом пожалела.

– А, так вы даже разговаривали?

Какая интересная улыбка. Утро, столовая, Соня Витглиц: «*Да, разговаривали*». Майя Фоглайн, вечер, учительское общежитие: «*Она заигрывала с сыном директора прямо перед классом*». Я промолчала. Каши оставалось еще много.

– Я-асно! – снова протянула Майя, которую устроило даже отсутствие ответа.

«*Меня это удивляет? Нет, это меня не удивляет*».

– Ты остановилась на мычании, – напомнила я.

– А, так ну да! – спохватилась куратор. – Я же тебе о чем и говорю. Сначала – дурак дураком, а потом разошелся не на шутку... Слу-ушай! Витглиц, а дай почитать этого самого Гете, а?

Я подняла взгляд, пытаюсь понять, что не так. У меня сейчас просили книгу. И вроде даже просила Майя. И это, разумеется, был не сон.

– Нет, ну он так шикарно рассказывал про эти самые семнадцать сонетов, – Фоглайн вздохнула. – Старый поэт, молодая любовь. В жизни ведь ужас, да? Но красиво как получилось!

Да, согласилась я. Красиво. Но книгу дам только электронную.

– Со-ня! Размораживайся.

«*Действительно, что это я?*» Каша ждала. А Майя сейчас скажет, что если бы она не видела меня на уроках, то считала бы меня...

– Простите, можно?

Гете, семнадцать сонетов. Что же вы такое рассказали в 2-С, Куарэ? Я подняла голову. К счастью, Анатолий подошел с пустыми руками – просто поговорить.

– Присаживайтесь, конечно!

Это была Майя – само воодушевление.

Я рассматривала Куарэ-младшего – на этот раз без жутко кривящей линзы боли. Была банальная и правильная мысль: «*Он похож на отца*». «*Он совсем другой*», – была мысль странная, но очень естественная: скулы Анатолия Куарэ мягче, чем у директора, почти девичий подбородок. У решительных людей таких лиц не бывает, сказал бы Джек Лондон. У нерешительных, впрочем, тоже.

Я плохо разбираюсь в людях с первого взгляда. Что значит его небритость? Общую неаккуратность? Богемность? Ему так нравится или ему просто все равно?

И, наконец, почему мне это все интересно?

К счастью, последний вопрос был легким. Ответ на него сейчас суеился внутри моего тела и назывался «кеторолак». Редкое побочное действие – изменение настроения, гиперактивность. Я становлюсь любопытна, зато не болит голова.

– Мисс Витглиц, вам еще плохо?

Я моргнула. Куарэ-младший – небритый, непонятный и вообще странный – смотрел на меня с участием.

– Нет.

– А... Гм, – произнес Анатолий.

Руки он сцепил на столе и поигрывал кистями. Явно жалел, что не взял себе чего-то «для приличия». И кольца у него на пальце не было.

По лицу Маны было видно, что она прямо тут готова просветить новоприбывшего насчет меня и держится только на честном слове и остатках совести. Анатолий смущенно рассмеялся.

– В общем, вы знаете, мне тут у вас даже понравилось. Первый урок так легко прошел...

Я молчала. Ему явно было неудобно, но очень интересно. Он то ли никогда не работал в школе, то ли... То ли. Я действительно плохо разбиралась в малознакомых людях.

– Да-да! – счастливо поддакнула Майя. – Замечательный первый урок! Мне так понравилось, что я вот даже попросила Витглиц...

«*Мычание ей, значит, понравилось*», – подумала я, переводя взгляд на жизнерадостное лицо куратора Фоглайн.

– Я по Гете учил немецкий. По текстам и аудиокнигам, – серьезно похвастался Куарэ. – Звук «р» в разговорном – это самое сложное. А вот читать – просто.

– А долго учить пришлось? – спросила Майя.

Она устроила щеку на ладони и смотрела на Куарэ сбоку и снизу вверх: убийственная позиция для стрельбы глазами.

– Около полугода, – улыбнулся ей Анатолий.

Я подняла пустую тарелку и встала.

– Э, мисс Витглиц?

Я обернулась. Из-за плеча Анатолия выглядывала недовольная Майя.

– Я остаюсь, – глухо сказал он. – Вам, наверное, стоит знать.

– Почему?

– Но... Вам ведь нужна помощь?

«*Не нужна, на самом деле. Хотелось бы, но не нужна. А вот тебе был нужен повод, чтобы заняться делом своей матери*».

Майя сделала глазами «О-о-о!» и подскочила со счастливой улыбкой. Вопрос Куарэ был куда лучшей добычей, чем попытка увлечь его с первого взгляда.

– Ну, вы общайтесь, а я засиделась, – затараторила она. – Соня, заскочи заполнить мне журнал, хорошо?

– Да.

В маленькой столовой становилосьлюдно. Учителя, которым нужно было только на второй урок, сходились в поисках чашечки кофе, неоновые лампы становились все тусклее: за окнами разошелся наконец серый осенний день.

– Мисс Витглиц, с вами точно...

– Да, мистер Куарэ.

Мне расхотелось разговаривать с ним. Он не понимал почему, но оставался, наверное, считая, что из-за меня. И это так благородно, что манной каше в желудке становится тесно.

– Вы считаете, что я не справлюсь?

Неожиданно. Мнительность? Пусть будет мнительность.

– Я вас не оцениваю.

«И дайте уже мне уйти».

– Я смог провести урок без подготовки, – вдруг твердо сказал Куарэ и тоже встал. – Не какой-то там доклад – урок, мисс Витглиц. Если бы не один ученик, все было бы идеально.

Знакомое ощущение. Ужасное и знакомое, и этого быть не могло, но это было, потому что Куарэ-младший продолжал:

– ...Он так смотрел на меня... Ну, то есть, так слушал, что иногда мне казалось, будто...

– Будто он один в классе, – закончила я, видя, что Анатолий сейчас смутится и замолчит.

Он кивнул. Медленно и удивленно – как при замедленной съемке, а у меня в голове дернулся якорь фантомной боли.

– Идите за мной, – сказала я.

Вопросы «как?», «почему он?..» и все на них похожие – это все потом.

– Зачем? И к-куда?

– В ученическую столовую. Покажите мне этого ученика.

– Но зачем?

Я обернулась:

– Вы знаете, как его зовут?

– Э, нет... Откуда?

– Значит, покажите.

– А если он уже поел? – с раздражением в голосе спросил он. – Мы что, будем его повсюду искать?

– Да.

– А когда найдем – съедем?

– Нет.

Кажется, со мной здоровались. Кажется, кто-то смотрел на новенького, идущего за мной. Я слышала неподражаемый запах столовой – запах, отбивающий напрочь даже самый сильный аппетит. Я слышала шум за дверями в зал для учеников.

– Мисс Витглиц... – неуверенно позвал Куарэ. Иронии в голосе уже не осталось, и это хорошо.

– Мистер Куарэ, вы уже подписали документы?

– Нет, но...

– Тогда просто покажите мне его. И... Лучше уезжайте. Ничего не подписывая.

Анатолий Куарэ смотрел на меня искоса, и я понимала, что очень плохо разбираюсь в людях, потому что теперь он точно останется.

С другой стороны, возможно, я как раз начинала разбираться, потому что на самом деле у него не было выбора.

2: Лихорадка

Каждый вход в класс – это маленькая смерть. Я всегда оставляю что-то на пороге, перед гомоном голосов, на фоне которого обязательно выделяется один. Всегда – один. Там другой мир, и туда надо попасть. К сожалению, надо.

Наверное, для кого-то это рутина – вот так умирать. Умер – и не заметил.

– Добрый день. Садитесь.

Я всегда поворачиваюсь к классу за два шага до учительского стола, но только сегодня обратила на это внимание. Выглядело это открытие примерно так: *«Оказывается, я дышу»*.

Класс – это пространство, и половину своей работы ты выполняешь, грамотно занимая его. Ходить между рядами на контрольной – всего лишь ничтожная часть настоящего умения. Важно уметь смотреть, уметь стоять, чувствовать освещение. Свет крадет часть стереометрии, свет меняет ее, и все выглядит иначе. Учитель, который не реагирует на игру светотени, – это как плохой фотограф: результат есть, но лучше бы его не было.

Если бы я стала учить кого-то педмастерству, я бы начала со слов: «Класс – это пространство». Эти слова, наверное, ничуть не хуже других, ведь я помню свои учебники по педагогике. Их писали люди, ни разу не видевшие школы.

– Осень любили многие поэты, но не все умели видеть в ней руку высшей силы.

И – взять нить тени. Никакой переключки – я знаю их всех в лицо, и, в конце концов, первые минуты – всего лишь вступление. Или я погружу их сейчас в свое пространство, в свою тему, в свой урок, или они погрузят меня в свое пространство.

«Погружение...»

Очень иронично. Наверное, доктор Мовчан именно сейчас рассказывает Куарэ-младшему о микрокосме, персонативном ударе и интрузии. Доктор вряд ли озабочилась аккордами и вступлениями, потому что ее сегодняшняя тема будет для слушателя апокалипсисом.

«Много лишних мыслей. Хватит, Соня».

– Осень – это то, что вы видите за окном.

Ни единого жеста: они все равно невольно повернут головы. Ни грамма внимания кому-то конкретному – это все потом, потом, когда настанет время обсудить, поделиться, проанализировать.

– Вы видите погоду, а поэт увидел там метафору вечности. Увидел возможность соединить невозможное. Рильке – поэт почти неоощутимого парадокса.

И пока они еще воспринимают последние слова, пока соединяют значения слов, нужно идти дальше.

– Файл «Осень». Откройте его.

Мне легко. Экраны лэптопов сейчас подсвечивают почти потерявшиеся во вступлении лица. Значит, правильным было все: тон, настрой, перемещение.

«Вы мало жестикулируете, Витглиц».

Возможно, замдиректора. Я непременно учту ваше замечание – как только моя техника перестанет работать.

– Первые три строки. Как вы понимаете эти образы? Какую картину видел поэт?

Тишина, шепоток. Мне интересно, что сейчас произойдет, кто откликнется, как дальше пойдет мой урок. Это самый непредсказуемый момент, потому что одна неудачная шутка, одна глупость – и всю атмосферу, всю игру света и тени придется строить заново. Или превращать урок по лирике в хороший урок по учебнику.

– Ну, он не видел, наверное, откуда падают листья, мисс Витглиц.

Умная и тонкая девочка, прячущая себя за бойкостью, – обычное дело.

Можно сделать замечание за вызывающее «ну» – но не на первом ответе. Потому что это значит порвать рисунок. Грубо, наотмашь. Иногда нужно рвать, когда картина ведет сама себя, когда ход урока определяют ученики. Или когда именно твой урок выявляет одного из Ангелов.

«Интересно, как повел себя Куарэ, когда почувствовал его?»

– Хорошо, Виктория. Прочитайте эти строки вслух.

– «Как бы из дали падают листья, отмахиваясь жестом отрицанья, как будто сад небесный увядает...»

Виктория посредственно читает стихи. А значит, сейчас кто-то почувствует шанс отличиться. И я, если не забуду за своими странными мыслями, поймаю нужный взгляд ревнивой конкурентки. Главное, взять светотень.

Осень за окном добавляла болезненного вдохновения.

Это так легко: вести урок в классе, который уже давно твой, очень давно. В обычной школе выпускной класс – центр внимания. У нас – пустая порода. Каждый ученик уже давно проверен, все они пристально изучены в огне педагогических коллизий, и Ангелов среди них нет – отработанный материал. Счастливчики. Они получают престижный диплом, самые лучшие рекомендации, вступят без тестов в десятки университетов по всему миру. А в придачу – пробуждение среди смятых простыней, в холодном поту, без дыхания. Ровно в два тридцать ночи, всегда в два тридцать. Может, кто-то вспомнит неожиданно выехавших и отчисленных одноклассников, болеющих учителей, постоянные медосмотры.

А еще каждое пробуждение оставляет запах пыли. Старой пыли из влажной непрветренной комнаты. Как будто тебе набивали ею нос.

«Ты себя накручиваешь, Соня. Это все кеторолак».

Меня раскачивало. Мне нужно было держать весь холст урока, следить за развертыванием темы занятия – и думать о странных утренних событиях, о том, что как раз сейчас добрый и отзывчивый Куарэ-младший узнает, где он остался.

«Наверное, я должна чувствовать вину перед ним».

С этой неуместной мыслью я полностью сосредоточилась на уроке.

* * *

В методическом кабинете был самый настоящий камин. Его никогда на моей памяти не топили, но настроение он создавал. Мне очень нравилось сидеть так, чтобы видеть черную пасть и кованую решетку. За нее в шутку складывали ненужные распечатки, и от этого камин выглядел легкомысленно.

Работать в методкабинете было совершенно невозможно, поэтому приходила я сюда только по кураторским делам. Еще здесь лежал журнал взаимопосещений уроков. А еще здесь сохранили при ремонтах якобы дух старины: угол у шкафа с архивом журналов не стали штукатурить, чтобы оставалась видна кладка. В сочетании с камином, сплит-модулем кондиционера и вечными сплетнями получилось претенциозно и глупо.

Мне не нравилось здесь. Камин нравился, остальное – нет. Особенно то, что за общим столом сидели Канадэ и Джулия. Я устроилась в углу и заполняла ведомость, по ходу придумывая виды внеклассной работы. Но на самом деле следила за тем, чтобы написать все в положенные клетки, и невольно проникалась жизнью заведения.

Константин Митников, как оказалось, не болен: он переиграл в платную онлайн-игру и, потеряв кучу денег, ушел в запой. В медпункте уже знают и готовятся проведать его с капельницей.

Маша из 2-В снова ходила во сне.

В общежитии вчера кто-то забыл рыбу на плите. Сковорода кухонная, поэтому неудачливого гурмана не нашли. Хозяйева задымленных комнат клянут уличную сырость, косятся друг на друга и обильно облились духами.

– Витглиц, а ты уже видела новенького?

Я подняла голову. Мне оставалось ровно три клетки, и уже можно было идти. Все-таки три – это магическое число.

– Да, – ответила я и снова склонилась над ведомостью. Еще одна клетка. Надежды на прекращение разговора не оставалось: Канадэ и Джулия уже устали друг от друга.

– И как он тебе?

Не люблю общие вопросы. На них надо отвечать странные вещи: «Ой, так нра!», «Ну, ничего так», «Не знаю, не знаю...» Порой мне интересно, что сказали бы коллеги, ответь я когда-нибудь именно таким образом.

И я опять отвлекалась. Снова думала о посторонних вещах.

– Он хорошо говорит.

– А о чем вы разговаривали?

Джулия – самая невредная из всех лицейских сплетниц. Невредная потому, что она сплетница от души.

– О будущем уроке.

«А потом об Ангеле. И он остался из-за меня». И мне бы еще определиться со своим к этому отношением, а заодно узнать, есть ли у меня к этому какое-то отношение.

– Хайцы всем, девочки, – сказала дверь еще до того, как распахнулась.

Ю Джин Ким спас все. Я быстро заполнила оставшиеся клетки и начала собираться. Осталось вытерпеть одно маленькое издевательство – и можно уходить.

– О, ледяная королева! – взвыл Ю, едва не разбивая себе лоб о мою столешницу. – Почти смиренного крошечной улыбкой!..

Сплетницы вежливо хихикнули. Шутка была так себе и старая, она уже не веселила никого, кроме самого физрука, и не доставала даже меня.

– А Соня уже разговаривала с нашим новеньким! – кокетливо улыбаясь, сказала Канадэ.

– Новеньким? – удивился Ю, подходя к общему столу. – Каким еще новеньким?

– У нас новый преподаватель!

– Раз не проставился еще, значит – нет новенького! – отрезал Ю. – Но, девчушки, расскажу я вам по этому поводу такую фигульку. Вот когда меня послали в лагерь в префектуру Тибя...

Слушать историю я не стала. Ничего общего с предыдущим разговором истории Кима обычно не имели – никогда. Закрывая дверь, я спиной чувствовала картинку: Ю сидит уже на столе, помахивая свистком на веревочке. Канадэ преданно смотрит на него, Джулия украдкой бросает взгляд мне вслед. Все сложилось хорошо, потому что физрук Ю Джин Ким – твердая гарантия: «девчушки» точно не смогут обсуждать меня.

На вечер было назначено еще методсовещание, но мне туда идти не обязательно. На улицу, с другой стороны, не слишком хотелось: там накрапывал унылый дождь, там висели низкие облака, почти как у Рильке. А еще мне не хотелось домой.

Я открыла зонт и переступила через лужицу. Капли пальцами постукивали в ткань над головой, им было интересно. Уже шел урок, и внутренний двор лицея пустовал, только дождь шумел сильнее в просторном колодце. Мутно блестели окна, крыша упиралась прямо в небо. Наверное, упиралась, потому что я не хотела подставлять лицо дождю, чтобы проверить это. Меня вполне устраивало именно такое представление о «сегодня» – противном дне, просто омерзительном, но вся беда в том, что именно в этот безликий день мне протянули руку. И весь остаток сегодняшней осенней серости будет лишен боли.

Дождь все шел и шел, я все шла и шла, думая о том, как странно получилось. А потом увидела бредущего по соседней аллее Куарэ, Куарэ-младшего, мсье Куарэ.

«Мсье Куарэ. Я буду называть его так».

Его джинсовый костюм промок насквозь, а он брел, будто на прогулке, и дождь заливал ему лицо, и капли, свисающие с носа, обновлялись очень-очень быстро. Конечно, я не видела таких подробностей, но иногда и не надо видеть.

Нет, лучше так: иногда и не стоит видеть.

Три часа назад он был уверен, что человек остается единственным разумным видом на планете Земля. Что Второй сдвиг тридцатилетней давности остался в тридцатилетней давности и на страницах диссертаций. Что лицей в глуши – это просто лицей в глуши... Хотя лицей не был «просто»: это изначально был неприятный ему лицей с нелюбимым отцом.

И снова – это все неважно. Три часа назад Куарэ твердо знал, куда он приехал, как устроен этот мир, – и мне его жаль. Наверное, стоило подойти к нему, потому что в какой-то мере он пережил эти три часа из-за меня. И его ждало еще много страшных часов.

«Во-первых, Соня, тебе не о чем с ним говорить. Во-вторых, ты – повод, чтобы принять вызов отца и дело матери. Чтобы сохранить лицо».

– Мисс Витглиц!

Я повернула голову. Куарэ шел ко мне – напрямик, прямо по ржавому болоту из земли и палой листвы. Он оскальзывался, спотыкался, но все равно шел, убирая со лба раскисшие волосы.

Мысль: *«Он меня убьет»*, – была глупая. Но она была.

– Витглиц, подождите!

Он остановился в метре от меня, старательно облизывая губы. У него странный взгляд, показалось мне. Рассказ доктора Мовчан основательно потрепал его – успешного аспиранта, получившего гранты и выучившего немецкий за полгода.

– Эм, Витглиц, вы как?

Я моргнула. Вопрос был потрясающим: я стояла под зонтом, вся в сухом, и я шла домой. У меня ничего не болело – чего он, конечно, не мог знать точно. Вот только учитывая его собственный вид, вопрос «как вы» был нечеловеческим позерством.

«Или проявлением шока», – с опозданием поняла я.

– Хорошо. Спасибо.

Он кивнул, рассматривая мое лицо. Это был очень неприятный блуждающий взгляд, о котором говорят еще «горячечный». Зонтик предлагать было уже поздно, он промок до нитки, и я только по взгляду поняла, что именно сообщила ему доктор Анастасия Мовчан.

Мсье Куарэ ведь навоображал себе, что после его открытия будут изучать и убьют ребенка. Вернее, про «изучать и убьют» он, конечно, прав, а вот смириться с тем, что ребенок – это не представитель homo sapiens, просто не успел. Не смог. Не поверил.

«И не поверит. Пока не увидит сам».

– Вы ведь все знали? – спросил Куарэ. – Потому предлагали уезжать?

Я молчала. Говорить не стоило, сказать что-то хотелось, и я молчала.

– Скажите, как это, жить с таким? – спросил он совершенно ровно. – С вот этим всем? Да еще когда такая херовая погода?

– Погода не всегда такая.

Мсье Куарэ замолчал, и взгляд начал серьезно жечь мне лицо. Я смотрела в ответ: а что мне еще было делать?

– Я вижу нелюдей, – вдруг сказал Куарэ. Потом хлопнул себя по бедрам, согнулся и крикнул громче: – И я буду по контракту учить нелюдей! Не-лю-дей!!

Истерика. Ему не могли так сказать, – значит, это истерика. Это пройдет, мне надо только выслушать и стоять спокойно, пока пальцы дождя нервно барабают в зонт. Он всего лишь

медиум, пусть это и странное совпадение: сын директора – вдруг медиум. Ему придется привыкнуть, и он привыкнет: видеть их, следить за их синей жизнью, понимать, что вот-вот микроскоп развернется – и в мире станет человеком меньше, а Ангелом – больше.

«Тебе просто не повезло, мсье Куарэ. Твой первый день – и такой оглушительно провальный успех».

– Боже, я болен, – выдохнул Куарэ. – Я всего лишь болен, но даже этого, оказывается, мало. Да, мисс Витглиц?

Болен. Он сейчас сказал «болен». Он сказал и продолжает говорить.

– «Э»...«э»-какая-то там атропатом, – проскрипел он, и пальцы дождя забрались мне в голову. Туда, где и находилась эта болезнь – одна на двоих.

– Экструзивная L-астроцитом, – поправила я машинально.

– Да какая, к черту, разница! – сказал он со стоном. – Эта «ELA» – это рак, рак мозга, как ни назови его! И мне, чтобы об этом узнать, надо подписать...

Его голос уплывал куда-то вдаль, в дождь, а на смену ему приходили странные слова другого Куарэ – директора Куарэ.

«...Громко тикали часы, в полированной поверхности стола отражался потолок. Директор сидел в тени, и говорила его голосом какая-то глыба тьмы.

– Тебе становится хуже, Соня.

– Я все еще могу работать, директор.

Я дышала сочащимися отовсюду чернилами и ждала ответа на свой вопрос, который – не совсем вопрос.

– Можешь.

– И я могу идти?

– Да».

А вскоре после этого он упомянул о «замене» – о помощи второго учителя, как думала я. А директор Куарэ думал о полной замене. О том, что мое место займет другой. О том, что терпеть головные боли станет бессмысленно.

– Витглиц, вы вообще где?!

Он прищелкнул пальцами почти у моего носа – обидный, наверное, жест.

Я отвернулась и пошла прочь. Ему нужно поговорить с кем-то из наших штатных психиатров, выпить за приезд с нашими штатными алкоголиком. «Проставиться» Ю Джин Киму. А мне – мне нужно побыть одной. Привыкнуть к... Очень многим мыслям.

* * *

Они начали рождаться после Второго сдвига.

Люди пережили первый временной сдвиг, пожертвовав семью процентами населения планеты. Вот просто так: Земля потеряла семнадцать минут времени, и за эти семнадцать минут произошло очень многое. Очень. Аномалии в Европе – та же Черноморская осцилляция, две войны, ядерное оружие...

Я листала результаты поисковой системы и без труда дополняла прорехи, вырезанные цензурой. Ключевые слова – «Ангелы, сдвиг, время, дети» – это целый ворох таких прорех и гарантированный вызов в службу безопасности.

«Мисс Витглиц, какие веб-страницы вы вчера просматривали?»

Это будет завтра. Сегодня есть еще один человек, который приобщился к этой истории.

Второй сдвиг год спустя был совсем иным. Никто не пропал, не возникло новых Осцилляций, но зато после него стали рождаться необычные дети. Позднее их назовут Ангелами.

Я сидела с ногами на стуле. Монитор тлел потихоньку, свет вокруг не горел, за окном шелестела осень. С экрана на меня смотрели мифы, легенды, желтая пресса и баннеры пор-

носайтов. Какие еще баннеры могут быть на страницах разных «очевидное – невероятное», «мистика-точка-ком» и «городские-легенды-точка-нет»?

Размытые фотографии Ангелов в терминальной фазе – как ни странно, самые настоящие фотографии. Целое море воспоминаний выживших в зоне пробуждения сверхчеловека – а вот это ложь. Не бывает там выживших.

Дождь барабанил, спина болела от неудобной позы, а я листала сайты, находя все больше выдумки. Правду старательно вычеркивали и вымарывали из сети. Во всяком случае, ее там стало меньше за последние два года, – и это было очень хорошо.

Еще ключевые слова не выводили на концерт «Соул» и его сеть учебных заведений. И это тоже казалось хорошим знаком. Я не знала, какая мне разница, но мне нравилось.

Я потянулась, подтащила ближе к стулу обогреватель.

«Замерзла».

Мерзли руки, и это плохо, особенно в свете того, что моя замена уже здесь. Я вспомнила о замене и встала: хочу чаю, не хочу больше читать сказки. Хочу умную книгу, проверить форум и спать.

Большое кухонное окно смотрело в непроглядный октябрьский вечер. Когда-то давно, прочитав какую-то книгу, я мечтала о таком: чтобы за плитой и разделочным столом – сразу окно. Окно в моих мечтах выходило на что-то светлое, а за спиной кто-то весело смеялся.

Смех.

Смех похож на тонкие ножи, на шила, которые входят в сердце. Я их больше додумываю, чем чувствую, но сердце останавливается. Смех пахнет паникой. Там, в моих мечтах, за спиной всегда звучал детский смех. Здесь, в лице... Здесь он тоже звучит. Иногда – слишком близко, слишком обидно. И от этого совершенно не весело.

Я поставила чайник, вспомнила, что он пустой, и торопливо открыла кран.

«Остановимся на этом. Просто остановимся».

В конце концов, или все плохо, или очень плохо. Надо помнить, что пока я могу быть проводником, меня не уволят. С другой стороны, появление еще одного проводника означает, что я скоро умру.

«Может означать», – поправила я себя, устраиваясь на стуле. Я гладила обогреватель, как кошку, открывала новую вкладку в браузере, и мыслям в голове становилось неудобно. Скорее бы головная боль вернулась: с ней проще. С ней не нужно плодить сомнений, предположений. Не нужно думать – достаточно знать и действовать.

Сын директора болен астроцитомой, подумала я, вводя логин и пароль. Это ужасное совпадение: ужасно символичное, ужасно интересное, ужасно... Ужасно ужасное. Оказывается, и так бывает. Потом я обнаружила две жалобы и на пару минут забыла о мсье Куарэ и тоскливой замене.

Увы, это были всего лишь некорректное обсуждение и фотография с высокой зернистостью. Именно что пара минут. Опять «+heGiF+Ed0nE» со своим хамством и опять какой-то новичок, который решил, что этот форум – свалка брака. Я выставила пользователям предупреждения и бегло просмотрела свойства злополучного фото. Камера у новичка была посредственная, чувство кадра отсутствовало напрочь, а ручные настройки... Они были, к сожалению. Удалить, открыть «новое личное сообщение», открыть рядом тему «Общие рекомендации» – и «копировать – вставить». Отправить сообщение.

Копировать – вставить.

Я пошла на кухню за чаем, думая о том, что было бы здорово не учить предполагаемых Ангелов, а испытывать их непрерывным «сору – past». Просто чтобы не привыкать. Не думать о них как о людях. Если бы можно было сделать этот лицей сетевым, отправлять сообщения аватарам и никнеймам. Если бы можно было вызывать вертолеты Белой группы к далеким-далеким анонимам.

«Я буду учить нелюдей!» – вспомнилось мне.

Нет, мсье Куарэ. Не так. Если бы был точный критерий отбора Ангелов, не было бы нужды в этой агонии. В этой болезненной школе, которую рекламируют как элитарную, передовую, экспериментальную. Лицей программы «Образование нового поколения» гордится своими результатами: успешные поэты, музыканты, программисты. В другом отчете идут иные данные, тоже образцовые: мимо системы не прошел ни один Ангел.

Мы получаем подозреваемых, учим детей и останавливаем Ангелов. И если никто не забудет об опустошенной породе, о тех самых чистых, но бесполезных людях, мы выпустим успешных творцов. Только в поэзиях выпускников шуршит пыль, в музыке дрожат капли холодного пота, гремит крик ночного кошмара, а программисты создают то, чего и сами не понимают.

Порой мне кажется, что лицей напрасно кого-то выпускает. Это «порой», как правило, совпадает с отсутствием боли – вот как сейчас. Потому я ненавижу чувствовать себя здоровой. Это так обманывает, это возвращает привычку думать не по-большому. Ущербная, наивная привычка.

Наверное, мсье Куарэ сегодня изолируют, чтобы не было неудобных пьяных разговоров. Я почему-то решила, что он пьет.

Монитор светился сквозь душистый чайный пар. Где-то очень далеко друг от друга десятка полтора человек писали обидные сообщения, обсуждая гибридные фотоаппараты. Зрела очередная священная война, но это был не мой раздел форума.

Я выключила компьютер, вспомнила, что снова не разобралась с шумящим и подтекающим бачком. Вспомнила, что не поставила стирку и что материалы прошлого методсовещания еще предстоит разобрать. На часах уже почти восемь вечера, и чтение хорошей книги откладывается, поняла я. Ведь потом вспомнится подготовка на завтра, потом – достраивает машинка, и всю синтетику можно – а значит, надо – прогладить.

За окном шумел дождь, мой настоящий вечер только-только начинался, а до головной боли оставалось около шести часов.

* * *

Я открыла глаза и сняла с груди электронную книгу. Прибор разрядился: я снова заснула за чтением. *«Плохо. Интересно, сохранил ли он на этот раз закладку?»* В голове пока что было ясно – так, покалывало немного, но в сторону таблеток смотреть еще не хотелось.

Повернув голову, я увидела, что проснулась за несколько минут до сигнала будильника. Что в комнате чисто, что я даже помыла чашку, а не оставила ее у компьютера, как обычно. В расписании над столом значился только один урок, и он был не первый и даже не второй. Щель между шторами подсвечивал солнечный блик.

«Все хорошо, Соня. Доброе утро».

И только когда я подняла голову над подушкой, в голове будто бы с шумом разорвался тетрадный лист – медленно, оглушительно, бесконечно.

Все было хорошо – и все как всегда.

* * *

Закрывая за собой домик, я увидела, что к двери приклеена табличка из картона с единственным словом: «Старуха». Простой кусок картона на уровне глаз. Я потрогала его ключом: записка разбухла от влаги и клея и легко отделялась от двери. Приклеили ее, скорее всего, рано поутру, и сделано это было единственно для меня.

И еще для скрытой камеры наблюдения, о которой лицеист не знал. Я оторвала табличку, смяла ее и представила, как прихожу в диспетчерский пункт и прошу проверить, кто был у моей двери этим утром.

«Весело», – подумала я и пошла в лицей.

Солнце пробивалось сквозь почти облезлый парк, блестело в каждой капле воды. У меня болела голова, карман все сильнее оттягивала баночка с таблетками, которые, увы, не в силах вернуть настроение. «Старуха». Цепочка памяти дернулась, потянулась в прошлое: «Бессмертная», «Эта», «Белоголовка», «Ты-умрешь»...

Потом была стая курильщиков у входа, были приветствия, отзывающиеся в голове надрывами все той же бумаги. И я знала, что ученик, приклеивший к двери табличку, точно здесь, иначе нет никакого смысла: просто испортить мне настроение – это слишком по-взрослому. Ученику еще нужно насладиться полученным результатом, даже если он знает, что не увидит результата.

Но кое в чем он не ошибся: табличка меня задела.

Обида вертлявым комком засела в горле, как начинающийся кашель. Будто мало мне головной боли. Я шла к входу, и ученики затихали. «*Это просто твой взгляд*, – пришло в голову мне. – *Перестань так пристально на них смотреть*». Я перестала и пошла подниматься по ступенькам.

Слишком быстро.

Уже у самых дверей в кармане ожил мобильный телефон.

– Соня.

– Да, директор.

– Зайди.

В коридорах былолюдно. Лицеисты висели на подоконниках, жмурясь и улыбаясь. Солнечный осенний пейзаж за окнами, волглая тень самого учебного корпуса – и лес, лес и горы до самого горизонта. Психологи утверждают, что это очень полезный пейзаж. Он умиротворяет, мотивирует и настраивает на действие. Солнечным днем – одним из последних таких дней этого года – вид за окном настраивает только на побег с занятий.

– Доброе утро, учитель Витглиц!

– Мисс Витглиц! Здравствуйте!

Они кричали так искренне – ни у кого из них сегодня не было моего урока.

Я кивала и шла в административное крыло. Радость, свет, погожий день – это раздражало. У двери приемной директора Куарэ я позволила себе вдох чуть глубже, чем обычно, а пальцами стиснула в кармане капсулу с таблетками.

Бумага в голове рвалась и рвалась.

Ручка: повернуть, потянуть.

– Доброе утро, меня вызвал директор.

Ая уже сидела на месте, и ее окружало облако духов. Наверное, такова ее личная зона комфорта – пугающе объемная с утра.

– Да, Витглиц-сан, проходите.

«*Она со мной не поздоровалась*», – отметила я и открыла дверь в кабинет.

– Доброе утро, директор.

– Садись.

Я села у двери. В кабинете были закрыты все жалюзи, приспущены шторы. Директор Куарэ еще не включал свет – или уже погасил его.

– Как ты уже знаешь, мой сын подписал все документы и теперь работает с нами.

Он потянул со стола очки и надел их – затемненные очки в затемненном кабинете.

– Да, директор.

– Он сейчас временно под наблюдением врачей. Мы начинаем готовить его как проводника.

– Зачем?

Я прикрыла глаза и с силой сжала капсулу. Что я делаю?

Директор молчал, видимо, тоже понимая, что что-то не так. Что-то совсем не так, и если Куарэ только удивлен, то я...

– Твоя ELA уже месяц балансирует между второй и третьей стадией.

Куарэ взял со стола какие-то бумаги и поправил очки, а мне понадобилось около двадцати секунд, чтобы додумать все остальное и понять, что аудиенция окончена. Я уходила из кабинета директора с единственной положительной информацией: пока я жива, буду работать. За пределами лица, в огромном мире многие почли бы за счастье такие условия.

На переход от первой стадии ко второй я потратила больше двух десятков лет. Уникум. «Бессмертная».

«Меня это радует? Нет, меня это не радует». Духи Аи на прощанье хлестнули по ноздрям.

* * *

– Мисс Витглиц, зайдите, пожалуйста.

Я оглянулась. Среди торопящихся и громких – о, каких громких! – учеников маячила Майя. Перехватив выскальзывающие из-под руки тетради, я пошла к ней.

– Заскочи ко мне, ага?

Сплетни? Нет, слишком серьезное лицо.

Кабинет куратора – это клетушка с полками, заставленными разнообразными данными на самых разных носителях. Фоглайн упала на свой стул и указала на другой. Она поерзала, протянула руку и не глядя вытащила из стеллажа папку.

– Мне тут отчет один вернули. Ведомство Спрюэнса. Ну, ты понимаешь.

Что здесь было не понять? Если ведомство доктора Спрюэнса, то это психолого-педагогическая характеристика класса – стандартная выборка из учительских данных, ужас каждого куратора. Я села. В кабинете Майи пахло кофе и слежавшимся пластиком. Двери, ведущие в класс, она закрывать не стала: 2-С сейчас бегал на физподготовке.

– Во, вот, смотри.

Я послушно протянула руку и взяла подшитые листы. Свою часть этого отчета я заполнила с утра на пустом уроке, сразу после встречи с директором.

«Она успела сдать, и ей его вернули. Оперативно». А потом я увидела то, о чем говорила куратор.

– Ты, конечно, не подумай, – самокритично сообщила Фоглайн. Тон был искренним и покаянным. – Это не единственная причина, почему вернули отчет, но...

В колонке «валидность» стояли ошибочные данные: я перепутала столбцы в таблице, когда переписывала из своей ведомости.

– Ерунда, Соня! Пять минут позора – и все будет как надо, – рассмеялась Фоглайн. – Ты тут сиди, заполняй, а я это, ага?

Я видела только клетки, только белое и черное. Боль в голове закончила рвать бумагу: теперь там кто-то натужно раздирал листовой металл.

«Я ошиблась. Я ошиблась. Я ошиблась...»

* * *

Зеркало в туалете отражало маску. У маски были серые глаза и не было мимики, маска висела ровно, смотрела на себя и прижимала к краю раковины капсулу с таблетками. Мне надо было выпить лекарство от головной боли еще с утра.

«Твоя ELA уже месяц балансирует между второй и третьей стадией».

Эти слова директора словно запустили окончательный распад. Рак не перестал быть моим оружием, но стал настоящей болезнью. Со всеми сопутствующими проявлениями. Наверное такое лицо не может быть у умирающего: неподвижное, равнодушное, пустое. Меня раздражало это лицо, раздражал режущий свет. Я просто хотела, чтобы все было как раньше, чтобы никто не приехал на замену, чтобы просто болела голова – как и всю мою жизнь.

Я мысленно обрила себе голову. Седые волосы – невелика потеря, пускай и бессмысленная. Можно попытаться оттянуть агонию, постараться убить то, что делало меня полезной и убивало меня саму. Можно, можно, можно – можно только мечтать о разрешении на химиотерапию.

Звук рвущейся жести. Мне плохо.

Зеркало начало изменяться: его гладь плыла, как ртуть, тяжелыми волнами, что-то трепало за края отражение, вдруг ставшее жидким.

«Меня сейчас стошнит. Вот прямо сейчас».

* * *

Я закрыла за собой дверь (никаких новых табличек), зажгла свет и села на пол. Таблетка работала полчаса, почти как в прошлый раз. Я старательно убеждала себя, что слабость в коленях – это все усталость. Это незапланированный отчет на совещании, это рвущийся в голове металл. Это день, ставший одной сплошной ошибкой.

Яркий, хороший солнечный день, день, когда жалко оставлять фотоаппарат в кофре.

В кухонном окне день уже угасал, но небо по-прежнему было ослепительно-глубоким, похожим на звук родниковой воды. *«Я окончательно путаюсь в восприятии».*

Довершением всех бед была случайная встреча с Петером Малкуши. Второклассник, опознанный вчера как Ангел, шел куда-то по своим делам, торопился, размахивая портфелем. Я смотрела на него и не могла понять, что не так. *«Микрокосм».* Он вчера открылся, сделал шаг – пусть и крошечный – к своей сущности. Долговязый подросток уже повернул за угол, а я не могла опомниться: я не видела ничего, хоть и смотрела на него почти в упор. Я могла бы убить его на месте, но... Ничего.

«Ты накручиваешь себя, Соня».

Хорошо. Я огладила щеки и прикрыла глаза, вспоминая по-настоящему. Разумеется, я видела. Видела, как колеблется пространство вокруг лицеиста, но если бы я не знала, что он Ангел, – никогда бы не определила его сама.

Коробочка с комплексным обедом осталась стоять в микроволновке. Наверное. Я разогрела, но так и не вернула ее в холодильник.

Бездумное листание страниц в интернете – это лучший убийца времени, которого осталось и так немного. Просто поразительно, сколько бессодержательных, но магнитных страниц в сети. К семи вечера я случайно открыла свой форум цифровой фотографии.

Логин, пароль. *«Получено новое личное сообщение».*

Я смутно вспомнила вчерашнее зернистое фото и невыразительный никнейм.

<Ты тупая сука! Я срал на ваши дилбильные советы по настройке! Я дирижу камеру уже почти год, и вылаживаю то, что хочу, ясно? Нахера ты мне вообще писала?..>

«Он даже не понял, что я модератор». Что-то мешало дочитать до конца поток тупости и ошибок. Почему-то больно было сглотнуть и застило глаза. Линза сдвинулась? Я моргнула, и по щеке потекло теплое.

Опомнилась я только от тянущей боли внизу живота. Вытирая слезы, я смотрела в экран, по которому плавали часы с календарем. Боль пульсировала, и первой мыслью было: *«Мало того, что в голове...»* Потом я словно впервые рассмотрела дату, потом вспомнила весь сегодняшний день.

День, большая часть ужасов которого укладывается в три буквы: ПМС.

Я поводила мышкой, забанила хама по ай-пи адресу и пошла греть обед.

«В конце концов, надо нормально поесть».

3: Смутные дни

Мне не спалось. Я засыпала и просыпалась три раза, и на четвертый уже казалось, что мне снилось, будто я хочу спать. За окном бормотала о своем ночь: с гор, шелестя, спускалась осень.

Она уже больше месяца все спускалась, спускалась...

Незаметно начавшийся учебный год воровал дни, больше посетителей становилось на форуме. Я смотрела в потолок, слушала неизменное повизгивание боли и думала о том, что хорошо бы укрыться еще одним одеялом, что осень удалась, а снотворное поверх обезболивающего – это было бы уже слишком.

Я прочно застряла между вчера и завтра, и осень все шла, а нормальный сон – нет.

Ночной октябрь шумел, в этом шуме был лес и немного – дождь, а потом вмешался еще один звук: пульсирующий стрекот. Звук разрастался, полнел, ему в тон отозвалась боль в моей голове. Я повернулась на бок и отодвинулась подальше от края кровати. Я укуталась в одеяло, как в кокон.

Звук все шел и шел. Он, как и осень, никуда не торопился.

«По крайней мере, я высплюсь», – подумала я. Вертолетные лопасти лопотали все ближе, и на какую-то секунду мне даже показалось, что я слышу запах газа, сочащегося из вентиляции. Впрочем, мне не впервые так казалось, и всякий раз усыпляющая смесь пахла иначе.

Сегодня – пылью.

* * *

Утро наступило в семь двадцать. Оно было похоже на мое обычное утро: и по времени, и по распорядку действий. Даже боль была как всегда – все было как всегда. Я совершала десяток привычных дел и думала. О шумной ночи, дурманящем запахе пыли и октябрьских вертолетах.

Пожалуй, я даже привыкла (...*намазать тост джемом...*) к тому, что слышу шум лопастей и засыпаю. Засыпаю, как и весь лицей. Привыкла к тому, что на утро (...*вытряхнуть остатки сока в стакан...*) обязательно пропадает один из моих учеников.

Правда, я привыкла еще и к тому, что это я причина всего. Что это из-за меня: газ, который пахнет по-разному, стрекот ночных гостей, утреннее объявление куратора.

Я привыкла. И вот теперь придется отвыкать, придется делить ответственность. Ответственность – это когда ты отвечаешь, а отвечать, не зная, нельзя.

«Интересно, слышал ли мсье Куарэ вертолеты?», – думала я, застегивая рукава блузы. Чем стал бы для него этот звук, если бы он знал, что это такое?

«А чем этот звук стал для тебя самой?» Взглядами детей, которые вновь только подозреваемые? Надеждой, что еще в одном классе можно быть просто учительницей? Я поправила плащ и вышла наружу – в сырое пасмурное утро.

Я шла к корпусу, осторожно прислушиваясь к себе: между обрывками боли в голове плавали необычные желания анализировать, размышлять, сопоставлять. Мне очень хотелось знать, чем станет первый раз для Куарэ-младшего. Мне было интересно, что случится дальше. Обвисшие ветви аллеи раскрывались, уплывали назад, и все ближе становился лицей, и все отчетливее – понимание: что-то не так.

У крыльца было почти пусто: курил Маккормик, и под окнами корпуса жались двое подростков из второго класса.

«Это неправильно. Совсем не правильно».

– Соня, привет.

Стив издали помахал рукой, его сигарета тускло подмигнула от глубокой затяжки. Математик курил как всегда – полной грудью, зевал и вел себя вполне обыденно.

– Здравствуйте, Маккормик.

Он был по-хорошему странным: например, всегда обижался, когда я обращалась к нему по фамилии. А сегодня смолчал.

– Тишина, как видишь, Соня, – невпопад улыбнулся математик. – У всех срочно закончились сигареты. А у кого не закончились, тот курит в туалете. В форточку. Или не курит.

Я молчала. Газ на всех действовал по-разному, на кого-то – именно так.

Обычно первые уроки после вертолетов срывались по причине массовой тошноты. Были случаи буйства. Было разное, но медчасти лица доставалось всегда.

– Представляешь, мы сами им заказываем сигареты. Им, Соня! Им! Нельзя, дескать, нарушать привычки одаренных детей. А если эта деточка у себя в Загребе привыкла малолетнюю соседку пользоваться?

Прискажкой у Маккормика был почему-то именно Загреб. Вечный пример далекой, непонятной и дикой провинции. В моем воображении городок словно бы выстраивался из неясных ассоциаций математика-шотландца: маленький, непременно трех – пятиэтажный, невозможно грязный и наполненный всевозможными гадостями. Населяли его умные и развратные дети.

Дети в Загребе курили с утра до ночи.

– Простите, мне пора.

Он замолчал, будто я его заткнула. Это все газ, думала я, глядя на жмущихся к стене детей.

В холле было темно. Потушенные лампы в тихом и словно бы загустевшем помещении – почти жутком. Медсестра Николь Райли выглядела здесь неуместно и бледно: в длинном, застегнутом под горлом халате, белая, как мел. На ее лице был след минувшей ночи, чего-то большего, чем простые утренние жалобы лицестов, учителей и вспомогательного персонала.

– Соня, иди за мной.

– Да, Райли.

Говорить было тяжело: разошлась головная боль, и я катала в кармане плаща потрескивающий пузырек с таблетками. Коридоры притихшего лица наполняла вата: глухая и вязкая. Я не знала, как человек без ЕЛА ощущает тишину. Надеюсь, что по-другому, потому что мне даже дышалось тяжело.

В такие минуты я ненавижу мягкие ковровые покрытия.

Нервы, Соня. Это все газ и нервы. Я знала – ценой подписки и своего статуса – почему используется именно эта усыпляющая смесь со всеми ее пост-эффектами. Да, нужная скорость воздействия, мягкость и быстрое бесследное исчезновение всех признаков отравления. Все это очень нужно...

Противоречивый вывод я сделать не успела: мелькнула очередь у медицинского блока, мелькнули младшие сестры из ведомства Мовчан – и я вошла в приемную главврача.

В приемной расположились директор Куарэ, Куарэ-младший, доктор Мовчан и незнакомый мужчина. Сильно пахло лекарствами – в смысле, сильнее, чем всегда. После коридоров здесь было ярко. Свет танцевал на стеклянных стеллажах, полках и контейнерах с инструментами и лекарствами. Свет удивительно колко отражался даже от матовых поверхностей. Он позванивал, как десятки разных колоколов.

– Добрый день.

– Витглиц.

Это директор. Он сидел холоден и официален – единственный человек, который вел себя обыденно. Доктор Мовчан внешне тоже была спокойна, но она накрошила сигаретного пепла на свой халат, и это куда красноречивее, чем выражение лица и жестикация.

Мсье Куарэ кивнул мне. Он пребывал в прострации, словно бы не вполне здесь.

– Присаживайтесь.

Я села у двери и посмотрела на незнакомца. Мужчина был одет не по размеру, бледен и небрит. А, да: еще у него был хвостик – лохматый, черный и небрежный.

– Соня Витглиц, проводник, – представил директор. – Инспектор Матиас Старк.

«Высокий статус в концерне «Соул», – легко дополнила я, кивая мужчине. Настолько высокий, что я для него именно проводник, а не учитель. Если бы не ночь вертолетов, я бы и в самом деле удивилась.

– Вкратце для Витглиц, – приглашающим тоном обратился к остальным Куарэ.

Я опустила глаза и приготовилась слушать. Боль толкалась в виске, разминаясь.

– «Специальная процедура содержания» номер один была нарушена, – тихо сказал незнакомый голос. – Ангел оказался частично невосприимчив к М-смеси. Или подготовился к ее действию.

Инспектор Старк говорил плавно, но с надтресчинкой в голосе. Голос получался колючий.

– Ему бы понадобился противогаз, чтобы «подготовиться», – холодно сообщила из своего угла доктор Мовчан. – М-смесь, если изволите, мокрой тряпкой не остановить.

– Тем хуже, – отозвался инспектор. Иглы в его голосе стали куда длиннее, трещина – шире. – Первый этап СПС не сработал, поэтому чуть не провалился второй.

– Единичная реакция, – парировала Мовчан.

– Ваша единичная реакция дорого нам обходится.

«Если это «вкратце», – подумалось мне, – то какой же полный диалог?»

– Вы настаиваете на официальной версии? – вмешался директор.

– Да, – устало ответил Старк. – Восьмая модель, «Беглый заключенный». Рассчитывал взять заложников среди учеников. Преследующий его спецназ...

– Достаточно.

Я отстраивала из руин суть разговора в ослепительно-тоскливом кабинете. Захват Ангела вышел из-под контроля оперативников «Соул». Жертвы? Вероятно, да. Среди лицестов?.. Судя по тому, что мы разговариваем здесь, минимум одна жертва есть – сам нейтрализованный Ангел.

– Куратор Фоглайн предупреждена о необходимых пояснениях для класса, – сказал директор, ставя локти на стол. – Доктор Мовчан подготовит нужных свидетелей инцидента. Мне нужна ваша виза на счете за ремонт.

Инспектор кивнул, но взгляда не отвел. Директор Куарэ замолчал.

Я вслушивалась в пахнущую лекарствами тишину и ждала: руины цельной картины пока оставались руинами. Все мы здесь чего-то ждали, даже прижавшаяся к шкафу медсестра Райли. Она держала ладонь под горлом и как всегда хотела, чтобы все закончилось. Просто закончилось.

– Директор, я настаиваю, чтобы впредь с Белой группой действовал один из ваших проводников.

Инспектор приложил руку к груди. Костяшки пальцев у него были белыми, он словно заталкивал что-то, рвущееся из-за ребер наружу. В образовавшейся тишине стало слышно, как выдохнула доктор Мовчан.

– СПС требует полного усыпления персонала во время действий группы, – сказал Куарэ. Старк пожал плечами и отнял руку от груди:

– Сегодня вы получите изменение предписаний. По факсу, – уточнил инспектор. – Отныне проводники будут применяться не только в экстренных ситуациях.

Изменение предписаний – это первая поправка за все время существования «Специальных процедур содержания». И я даже не знаю, как к этому относиться. Пока – за неимением лучшего – буду относиться как к новой обязанности.

– Проводникам не платят за это, – неожиданно сказала Мовчан.

Я покосилась на нее. Женщина массировала висок и недовольно смотрела в глаза инспектору.

– Поправимо, – пожал плечами тот.

– Проводник уничтожает Ангела, – сказал директор. – Концерн даже образцов не получает.

– Все будет указано в предписании.

Старк был все так же терпелив, колюч и холоден. От его слов хотелось отодвинуться и отгородиться.

Я заметила краем глаза движение и посмотрела на сына директора. Мсье Куарэ вздрогнул, обвел всех взглядом и будто бы собрался что-то сказать. Собрался – и не сказал. Он встал и вышел, одним ударом распахнув дверь.

Громкий звук впился в меня, и я словно увидела медкабинет со стороны – всех и в деталях. Директор остался неподвижен, он едва даже проводил взглядом быстро вышедшего сына. Николь замерла в движении – то ли хотела остановить Куарэ-младшего, то ли выскочить вслед за ним. От ее обреченного ожидания конца не осталось и ноты. Доктор Мовчан накрепко стиснула кулак и теперь изумленно изучала его: мол, что это я?

В глазах инспектора Старка бился какой-то вопрос, но он его так и не задал. Еще одни слова, которые не прозвучали.

Я сама... Я сама сидела и смотрела на свои колени. Как я успевала при этом видеть всех и каждого в таких подробностях – не знаю. Лампы приемной притрусили всю композицию болезненной серебристой пылью, и в моем странном восприятии отсутствовала одна деталь: мсье Куарэ.

Он выскользнул из моего разума будто бы еще до того, как покинул кабинет.

В конце концов, ничего странного: он ведь проводник. Странно то, что я до сих пор не приняла эту мысль.

Дверь кабинета открылась, и внутрь просунулось бледное лицо второклассника:

– Простите, мо...?

Парень наткнулся на собрание, поймал влет взгляд директора и неслышно исчез в коридоре. Дверь закрылась тихо-тихо.

– Николь, открой процедурную «два» и пусть его там примет Вэл, – распорядилась доктор Мовчан.

Райли суматошным движением поймала брошенные ключи и почти выбежала из медкабинета. Из серебристой пыли, из яркого света – в спасительный полумрак. К сожалению, ей приходится знать много, и именно отчаянное сожаление было написано на лице сбежавшей медсестры.

– В обед приедут полицейские дознаватели, – сказал Старк. – Дадите мне список, кого можно опросить.

Вот так: ничего не произошло. Вернее, произошло ночью, а только что – ничего.

Инспектор кивнул и встал. Только сейчас я поняла, что не так с одеждой Старка: ее подобрали из попавшегося под руку. Джинсы оказались в обтяжку и коротковаты, а вязаная куртка чуть ли не болталась.

– Я пойду в палату.

Прихрамывая, Старк пошел к двери. Остановившись около меня, он обернулся к Куарэ-старшему:

– Да, и передайте мои благодарности вашему сыну. Надеюсь, с ним все будет в порядке.

Директор не ответил. Снова открылась дверь в полумрак, и в кабинете стало еще тише и просторнее. Доктор Мовчан пощелкала зажигалкой, но сигарету не зажгла – повернулась к директору:

– Он останется?

– Вероятно, да.

– Постоянная резидентура концерна? Здесь, в лицее?

– Возможно.

Я давно не чувствовала себя лишней при таких разговорах.

– Там что-то поменялось, Серж, – тревожно сказала Мовчан, ткнув зажигалкой куда-то в потолок.

– Это неважно. Главное – это план.

Директор встал и тоже пошел к дверям. В этом учреждении все шло согласно планам: учебным, воспитательным, индивидуальным. И я всегда знала, что есть Самый главный план. Его просто не могло не быть.

– Соня.

– Да, директор.

Я встала. Я отражалась в очках Сержа Куарэ – головастая, с большим плоским носом и почти отсутствующим телом. Странно, я где-то читала о похожем описании, подумала я. Вроде, так описывают душу: посмертный опыт и прочие мистические переживания.

Душа – это отражение человека в очках бога.

Газ на меня все еще действовал.

– Соня, присмотри за Анатолем.

– Хорошо.

И снова в серебристом свете образовался прямоугольный провал. Директор ушел, а я поняла, что замена еще на самом деле не готова. Я должна подготовить ее своими руками. Да, Анатоля разбудили сегодня ночью – в разгар противостояния. Да, судя по словам Старка, именно мсье Куарэ нейтрализовал Ангела.

Все – да. Но он не готов. Будь он готов, не выскочил бы из кабинета с лицом кающегося убийцы. Убийцы, за которым надо присмотреть. Подготовить. Провести. Убийца должен смотреть в очки своего отца и спокойно отчитываться о выполненной работе, как если бы это был отчет о годовом плане или открытом уроке.

– Убийцы, притворяющиеся учеными. Ученые, притворяющиеся учителями.

Я оглянулась: доктор Мовчан пальцем крутила на столе пузырек с таблетками. Пузырек шуршал и потрескивал.

– Потрясающий театр для нескольких восторженных критиков, – продолжила женщина. – Ну что, Соня, на сцену?

Глава научного и медицинского отдела лицея грустно улыбалась. Газ действовал и на нее.

– Мне надо в класс, доктор Мовчан.

Доктор потянула носом воздух, кивнула:

– Сдай таблетки и возьми новые. Николь сказала, что твои перестали действовать.

Я подошла к столу, достала из кармана полупустую упаковку. В протянутой ладони доктора лежала точно такая же – серая, безликая, никакая. Просто пузырек, голая идея лекарства. Сквозь дымчатый пластик видно было таблетки – таблетки, у которых вкус такой же, как и цвет: серость пыли, которая собирается на кулерах. Слишком знакомо.

– Простите, доктор. Это действительно другие таблетки?

Из взгляда Мовчан словно бы выдуло задумчивость.

– Ты взглядом химанализ делать научилась? – резко спросила она и осеклась.

– Простите.

Безликое здесь все – все и всегда, и даже если запах, вкус, цвет меня обманывают, то это означает только одно: меня обманывают запах, вкус и цвет.

– Да это ты прости. Сорвалась, – сказала Мовчан, отводя глаза. – Нервы, газ...

Я кивнула и взяла лекарство. Ладонь доктора горела, как если бы женщину терзала лихорадка. Кивнув еще раз на прощание, я вышла и постаралась запомнить странный момент.

«Доктор Мовчан только что извинилась».
Это все газ. Не иначе.

* * *

В коридорах было уже много опомнившихся учеников, и я от души надеялась, что хотя бы ко второму уроку удастся собрать их на занятия. В холле фотографировались. Детей разгоняли, но они все равно там фотографировались – у стены, искусанной пулями. Охранники поставили ограждение, и снимки на камеры мобильных вряд ли позволяли что-то там рассмотреть. Но фото у места перестрелки – это так же важно, как поесть, посплетничать в твиттере и... У них еще много важных дел в свободное время.

Сегодня днем это будет в сети. Сегодня днем это уже будет работать на ложь.

«Здесь пристрелили этого ээка. Надеюсь, он горит в аду».

«Поправляйся, Петер!»

«Малк, мы с тобой».

Ученика 2-С Петера Малкуши увезли: тяжелое ранение. Наверное, ему прострелили легкое. Или пуля осталась в брюшине. Его будут оперировать, потом – долго лечить, потом будет курс реабилитации. А потом... Потом они станут выпускниками и все забудут. Потому что до их выпуска в лицее произойдет что-то еще.

Например, кто-то влюбится в звезду телеэкрана и сбежит покорять ее сердце. Кого-то неожиданно заберут родители. Кто-то тяжело заболеет и уедет в родную Сибирь. О нем будут особенно горевать.

История таких, как Петер, превращается ночью в две истории – иногда это происходит проще, иногда – сложнее. Ангел исчезает навсегда в архивах «Соула», а ученик остается жить, утекает в мишуру знаковых систем. У каждого из них будет своя биография: электронная почта, смс-сообщения, даже письма – обычные бумажные письма, потому что не везде есть интернет. Например, его вполне может не оказаться в Загребе.

Да, кому-то из ближайших друзей еще, быть может, позвонят – сквозь помехи, шорох и сообщения сети «сигнал потерян».

Не будет видеочата, не будет новых фото. Должно быть, специальному отделу концерна «Соул» попросту не выделяют средств на такие дорогие фальсификации.

Я сидела в последнем ряду пустого концертного зала и думала о том, как странно все получается: мне приказали присмотреть за Куарэ, мсье Куарэ. Я сижу, выполняю приказ и думаю о том, чему даже внимания уделять не стоит. Слушаю, как он играет, и размышляю об информационном шуме.

Меня не трогает музыка – отчаянная импровизация, в которой так много личного и лишнего. Главное, что она не слишком громкая – хвала за это небесам. Я едва понимаю, что выталкивает из него эту музыку, что ломает ему пальцы о клавиши рояля. Но мне хорошо думается под эти звуки.

«Хорошо думается о ерунде. Ты сегодня в ударе, Соня».

Мелодия оборвалась. Я подняла глаза: Анатолий по-прежнему сидел за роялем, поставив локти на клавиши. Он сплел пальцы и опустил на них лицо, и почему-то мне хотелось добавить эпитет «горящее». Да, горящее лицо – от переживаний, от музыки, от боли. К мсье Куарэ нужно подойти, с ним нужно поговорить – все это укладывается в распоряжение директора.

Зал оказался большим, чего я никогда не замечала. Я спускалась по центральному проходу, и здесь не было мягкого покрытия на полу. Зал оказался очень музыкальным: каждый шаг отдавался звонким ударом эха. Ряды пустых кресел напоминали плотно забитое солдатское кладбище – темно-серое, ухоженное и бесконечное.

«Ты сегодня в ударе, Соня. Ты сегодня в ударе».

Я остановилась у сцены, глядя снизу вверх на замершего у рояля Куарэ. Он слышал мои шаги, и теперь либо смущался, либо позировал... Либо все очень плохо, и мой присмотр – это мало, преступно мало в его случае.

– Витглиц? Простите...

Его взгляд – сверху вниз. А кажется, что наоборот.

– Вы в порядке, Куарэ?

Если он засмеется, я его пойму.

– Да... Наверное, да.

Он встал и прыгнул со сцены, оставив инструмент открытым. Он едва не оступился. Он одернул рукава свитера – мешковатого черно-белого свитера, который был большим ровно настолько, чтобы еще считаться претензией на моду. Куарэ выглядел усталым, невыспавшимся и совершенно измотанным. Я была более чем уверена: вымотала его не ночь, не Ангел, а клавишное исступление.

– Что вы здесь делаете, Витглиц?

Куарэ говорил почти спокойно, и я терялась: это хорошо спрятанная истерика или он довел себя музыкой до полного безразличия? Мне говорить с ним или молчать? Отвести его подышать воздухом или к Мовчан?

Я совершенно не представляла, что делать в этой ситуации.

«Он такой же, как ты. Разумеется, тебе нелегко».

– Я ждала вас.

Он удивился:

– Зачем?

Честный ответ будет неправильным. Он не любит отца, а после этой ночи почти наверняка ненавидит. Последнее, чего мне сейчас хочется, – это чтобы он перенес свою ненависть и на меня.

Правильный ответ будет неполым.

– Хотела поговорить с вами.

– Поговорить? – тяжело улыбнулся он. – Вы тоже психолог?

«Тоже», – отметила я. Мсье Куарэ мрачнел, и в тени на его лице оживали разом и ночь, и утро. Сейчас он закричит. Сорвется, будет кричать мне в лицо, выплевывать свою злость, свое отчаяние. Худшая ситуация в классе, ошибка педагога, из которой можно выбраться только наитием.

Я рванула холст.

– Нет. Но я тоже проводник.

Выделить «тоже», приглушить голос на слове «проводник».

– Я знаю.

Этот голос. Эти интонации. Ему действительно было безразлично, и мне на секунду показалось, что я обижена. Потом вспомнились разговоры в медкабинете – руины правды. Потом память подсунула мне мои собственные впечатления, и это было гадко.

Мне не о чем с ним говорить: это не те увечья, которые выставляют напоказ. Мне нельзя его отпустить.

– Я даже не знаю, что сказать в этом классе, – вдруг пробурчал Куарэ. – В смысле, когда я снова попаду туда.

Все-таки сработало. Все-таки он зацепился, пусть и не так сильно, как я хотела.

– Все, что надо, уже сказали. Без вас.

Он сел на сцену и покосился на меня:

– Вы же понимаете, о чем я. Зачем вы так?

Понимаю, и потому промолчу. Это ведь каждый должен решить сам, точно так же, как выбрать стиль общения с лицеистами. Это словно выбор одежды, и моя ему точно не впору.

– Этот человек... Старк. Говорил, что я спас его, – сказал Куарэ. Смотрел он в пол, и поднимать глаза не спешил. – Это правда?

– Да.

– И так бывает?

– Да.

«Только так и бывает». Проводник нужен, когда что-то идет не так. Когда Ангел начинает расти, разрывает свой микрокосм и затаскивает в себя людей. Надо сказать ему, напомнить, что все именно так и происходит, что нас используют только как последнее средство. Только это будет слишком правильно и сладко сказано. В конце концов, Ангела обнаружил Анатолий.

И даже после увиденного – хоть и не знаю, что он там увидел, – Куарэ считает своего врага человеком. Это дрожит в каждом его слове, это дрожало в каждой ноте его импровизации. Он не забитый подросток, он понимает, что все делается правильно.

Все он понимает.

– Витглиц, а боль когда-нибудь пройдет?

До смерти – нет.

Я покачала головой, и только потом посмотрела на него: мсье Куарэ прижимал ладонь к сердцу. Не к виску.

Впрочем, от этой детали мой ответ не зависел. Ответа я все равно не знала.

* * *

– Нет. Не сюда.

Он поднял взгляд и отложил ручку:

– Погодите, Витглиц. Вы же сказали, что планирование заполняется в первой таблице!

– Календарное. Не тематическое.

Куарэ выдохнул сквозь зубы и отложил испорченный лист в сторону. Уже третий. Из угла методического кабинета на нас поглядывали. Там сидела замдиректора Марущак, но вмешиваться не спешила.

Бледное послеполуденное солнце косилось в окно, почти не давая теней, так что у двери уже включили настольную лампу. Там маялся от газа и прерванного запоя Константин Митников. Он подслеповато моргал, глядя на тусклую поверхность стола, и бумаги его не волновали.

Я иногда смотрела по сторонам, но все было своеобычно: и любопытствующие коллеги, и безразличный ко всему информатик. Иногда открывались двери, но долго никто не задерживался: видимо, опасались замдиректора, у которой всегда и для всех находилось дело.

Мсье Куарэ трудолюбиво заполнял колонки индивидуального плана, а я чувствовала себя неловко. Будто учила его чему-то плохому.

– Посмотрите, все верно?

Я кивнула. Не на что там смотреть.

– Хорошо-хорошо, – донеслось из угла. – Давай сюда, Куарэ.

Марущак встала и, довольно улыбаясь, подошла к нам. Анатолий с легким поклоном подал ей исписанные листы. Я отвернулась. Замдиректора сейчас посмотрит их, сострит насчет формулировок тем и сделает мелкое замечание в духе: «ну да ничего, сойдет!»

За окном звучала последняя перемена – звучала громко, полноправно. Лицеисты опомнились от шока, выветрили остатки газа – сигаретами, шипучкой, чаем – и теперь живо обсуждали ночные события. Кто-то завирал, что все видел, кто-то хвастал, что его вызывали на допрос.

Я бросила взгляд на Куарэ: отвлекшийся было на скучную работу, он снова мрачнел, услышав обрывки реплик. Стоящая над ним Марущак благодушно листала бумаги.

Контраст выражений на лицах этих двоих был просто потрясающий.

– Ну, все отличнейше, Куарэ, – улыбнулась женщина. – Только ты вот подумай. Витглиц запланировала военную тему в литературе на два урока, а ты на один. Управишься?

Он посмотрел на меня. Я пожалала плечами.

– А я вот к вам обоим на уроки приду! – заявила замдиректора. – И посмотрим, кто прав.

Мсье Куарэ кивнул, и я с удивлением отметила, что ему по душе мысль о сравнении наших уроков. Правда, я даже не представляю, что там сравнивать.

«Очень плохо, что не представляешь. Включи его занятия в план посещения».

Я тоже кивнула донельзя довольной пани Анжеле. В конце концов, это не самая плохая идея.

– Вот и чудно, – подытожила замдиректора, подхватив свой портфель и указывая другой рукой на информатика. – С этим вот пропойцей знакомства не води.

Константин поднял мутный взгляд, вернулся к созерцанию стола и зачем-то открыл ящик.

– Митников, надеюсь, ты запомнил, – грозно сказала Марущак уже на выходе. – Еще раз повторится, сведу к директору. Будете понижение в окладе обсуждать.

Она задорно шлепнула за собой дверь, и в методкабинете стало тихо. Константин вздохнул, принявшись доставать из стола бумаги. На нас он внимания не обращал: бумаг было много, и все требовалось заполнить на вчера.

Куарэ смотрел в окно, за которым гудели лицеисты, и вздрогнул, только когда прозвенел звонок. Я поняла, что тоже все это время просидела молча.

– Витглиц... На сегодня все?

– Да.

Белый солнечный диск повис над шерстью леса и двигаться вниз не спешил. Мсье Куарэ встал, снял со стула свою куртку. Помял ее, вздохнул.

– И что мне делать дальше?

Я пожалала плечами: я, конечно, примерно представляла, что делают в общежитии в свободное время. Но знать – это одно, а советовать Анатолю – другое. А еще мне было обидно. Почему я? Почему за ним не может присматривать кто-то из обычных преподавателей? Это было бы значительно проще. И удобнее.

– Не знаю.

Я тоже встала, спеша избавиться от неловкости. Бумаги дописаны, день прошел, и коллега превращался в обузу. Мне становилось нехорошо от мысли, что придется менять привычки, чтобы как можно дольше держать на виду сына директора.

«Спокойнее, Соня. Он убил первого своего Ангела, он взволнован. У тебя месячные и ELA – но жизнь пока не заканчивается».

– Понимаю, – сказал Куарэ, по-детски просовывая сразу обе руки в рукава. – Простите, и так у вас столько времени отобрал...

Делает вид, что все хорошо. Правильно. И это – тоже правильно, можно начать и так: «делать вид» рано или поздно станет «на самом деле», и все будет хорошо.

– Осмотритесь, – предложила я. – За спортзалом сосновый бор со скалами.

Константин Митников, заинтересованно оглянувшись, принялся смотреть на мсье Куарэ, словно впервые его видел. Лампу у лица погасить он не догадался, поэтому выглядел глупо.

«А вы не составите мне компанию?» – спрашивал Анатоль.

«Хорошо», – отвечала я.

Такое продолжение диалога читалось в глазах Митникова, как и все завтрашние разговоры. Порой, чтобы отвлечься от затхлого страха, нужно что-то острое и перченое, и когда Митников не пил и не играл, он мастерски готовил такие блюда.

– А... – сказал Куарэ. – Эм, спасибо, Витглиц. Спортзал – это?..

Он согнул руку, показывая, как собирается обходить корпус.

Я кивнула, чувствуя странную досаду. Мсье Куарэ кивнул в ответ:

– Тогда всего доброго.

– До свиданья.

Митников поднял руку прощальным жестом, проследил за уходящим и снова уткнулся в бумаги. Я села на свое место. За окном смолкли голоса, за окном лес полировал нижний край желтеющего светила.

Потом позади шумно вздохнул скучающий Константин, и я начала собираться.

4: Ночь

Я рассматривала повисшую на пальце линзу – серебристую, блестящую, еще теплую – и мне было странно. Интересно, почему все так вышло: закончившийся день упорно не желал просто уйти, просто стать вчерашним. Ему не хватало какого-то последнего глотка, последней оценки, додуманной мысли.

Я сидела перед зеркалом, смотрела разными глазами на кончик своего пальца. Я размышляла, как избавиться от странного дня. А заодно – почему мне так хочется от него избавиться.

«Мсье Куарэ».

Все, что держало этот день при мне, все, что держало меня в этом затянувшемся сегодня, так или иначе связано с ним. Связь была похожа на ауру открывающегося микрокосма: сын директора втягивал меня во что-то, словно сам был Ангелом.

«Нет, не так».

Все шло не так. Все. И провал Белой группы, и замена, и участие Куарэ в нейтрализации Ангела... Я могла множить союз «и» еще очень и очень долго – в такт своим мыслям, в ритме сбивчивых переживаний.

Это был плохой день и отвратительный вечер. Я подготовилась к урокам, сделала все по дому и провела лишних десять минут в сети. Часы в трее застыли, будто я уже была внутри Ангела.

«Внутри Ангела».

Убийственная мысль, способная свести с ума. Внутри раскрытого микрокосма исчезает многое, и время – в первых рядах. Там пропадают и другие нужные разуму абстракции – ощущение реальности, например. Там действуют законы сна, дурного кошмара, и стоит только поддаться... Собственно, не стоит.

Ассоциации немедленно потащили из памяти образы.

Буднично хлестал такой пошлый и ожидаемый дождь, прямо по ветвистому дереву черкнула трещина. Мир, лишенный своего демиурга, разваливался на куски, а у моих ног догорал пепел, и ногам было непозволительно тепло. Я видела, как стройные ряды фонарей стягивались к отдельным столбам, как мир становился сам собой...

«Не хочу вспоминать дальше».

Я вздрогнула. Линза стекла с моего пальца и упала на стол. Она поблескивала в свете лампы – яркая и колючая, а мне было холодно под халатом: холодно смотреть на нее, холодно вспоминать, холодно переживать самый первый раз, когда я осознала, что совершила.

«Ты ведь понял, что убил целый мир, мсье Куарэ?»

Вторую линзу я чуть не вынула вместе с глазом.

Что с тобой, Соня? Ты ревнуешь? Боишься лишиться опоры под ногами? Потерять убийственный смысл остатков жизни? Или ты просто не можешь смотреть, как рядом, на твоих глазах кто-то проходит твой путь? С самого начала?

«Не хочу этого видеть».

Все верно. Я ставила чайник на плиту, смотрела в ослепшее окно – окно в ночь. Успешно найденная рана кровоточила от прикосновений. Станный образ усиливался тем, что меня морозило, словно от настоящей кровопотери. Я отвернулась от черного окна, в котором отражалась кухня и бледный призрак в халате, и посмотрела на полочку с чаями. Белый, зеленый, черный. В отдельных баночках – жасмин, палочки корицы, мята, бергамот. Даже базилик – его подарила мне Николь, уверенная, что чай нельзя испортить ничем.

Даже базиликом.

Я протянула руку и достала корицу. Не знаю даже почему. Просто здесь, на кухне, где даже зеркало было ненастоящим, где уже не было моих фальшивых глаз, я ощутила спаситель-

ное безразличие. Уходил во вчера странный день, уходила неясная обида, сочувствие, замешанное на страхе и раздражении.

«Я просто хочу чаю».

В комнате оказалось теплее, чем я думала, в кресле – куда мягче, чем могло бы показаться. Чашка грела руки, на кухне журчал холодильник, за стенами домика – осень. И все. Я поднесла чашку к лицу, прислушалась к тому, как звучит дыхание, ощутила, как запотевают губы и нос. Чай снова победил.

Даже притча такая была, вспомнила я. О том, как мастер чайной церемонии одержал победу над ронином. Дзэн-суть притчи, конечно же, не в чае, но, с другой стороны, слова «притча» и «дзэн» очень плохо соседствуют со словосочетанием «единственный смысл».

А вот чай... Чай однозначен.

* * *

Это сон.

В такие часы – часы здесь, минуты там – меня всегда мучает грусть. Понимать, что ты во сне – это печальное понимание. Ты смотришь фильм, сопереживая героям только в самые яркие моменты. Это, по-моему, ужасно. Я помню все, что мне снилось, четко отделяю сон от яви, и сон... Он мне безразличен. Не уверена, что права в своих сравнениях, но, наверное, как-то так относятся к клиентам проститутки.

Я лежала в кровати, смотрела сон, одновременно шла скучным коридором в этом самом сне и размышляла. Мысли тоже были никакие: как сон, как коридор, как укол. Еще было слегка интересно, почему из всех вариантов сравнения подсознание выбрало проститутку.

Двери классов хлопали, стучали, их гонял несуществующий сквозняк. Свет в окнах стоял серый, как овсянка, и такой же клейкий.

Тук. Тук. Тук-тук.

Я повернула за угол, привычно стараясь не концентрироваться на действиях: ну, надо вперед. Значит, надо.

Тук.

Коридор за углом поспешно закончился, и я даже успела понять, что просыпаюсь, и стучат не двери, а в дверь. В мою дверь.

Боль получилась оглушительная и сразу во всем теле, она пульсировала в ритме стука в дверь, в ритме сердца, в ритме сбивчивых мыслей, еще намотанных на сон.

«Ко мне некому приходить».

С этой мыслью я зажгла свет – еще один удар крови в голову – и пошла к двери, надевая очки. Серые очки, серая дигрессия безобидных стекол – это уже на уровне рефлексов: выше боли, выше памяти и уж куда выше, чем «2:15» на электронных часах.

Дверь открылась в ночной октябрь, и помимо очков стоило вспомнить о тапочках, а ночной рубашке не хватало халата поверх.

По ту сторону порога стоял Куарэ. Свет ронял на его лицо тень капюшона: есть такие легкие пайты, которые надевают под куртку. Мне такие не нравились. Пауза тянулась, я мерзла и, поначалу ошеломленная холодом, боль уверенно возмещала свое.

«Я стою перед ним в ночной рубашке. Что за глупость». Так пришло еще и раздражение.

– Витглиц, простите, пожалуйста...

«Пьян? Нет, но явно выпил».

Я ждала. Я еще долго так могу.

– Они сказали, что вы все равно не придете, и я решил... То есть, осмелился. Словом, я могу вас пригласить?

Даже не подумал уточнить, куда. Или считает, что я пойму сама насчет этих самых «них», пойму, что имеется в виду вечеринка в честь прибытия новенького. Он слишком сосредоточен на себе самом.

Ну, разумеется.

– Нет.

А он действительно расстроен, и смотрит – поразительно – до сих пор мне в глаза, а не ниже.

– Про... Простите, Витглиц.

«Нет» подействовало на Куарэ странно: примерно так, как на меня холод. Он словно впервые взглянул на часы, он смотрел на меня так, будто я переоделась в ночную рубашку прямо перед ним. В каком бы состоянии ни пришел мсье Куарэ, сейчас он стремительно становился человеком.

– Еще раз – простите меня, – покаянно произнес он. – Я сам не понимаю, что на меня нашло...

– Ничего страшного.

Неискренность в обмен на искренность: меня крошит боль ночной побудки, а он хорошо понимает, почему пришел. Ужасающая банальность в полтретьего ночи – продрогшая, пахнущая пылью, болью и моим любопытством. Во мне зрели вопросы.

«Ты ведь не надеялась, что все закончится вместе со вчерашним днем?» — думала я. Он кивнул и повернулся, чтобы уйти назад в свой октябрь.

– Куарэ?

И снова – взгляд. Взгляд из-за плеча, из тени капюшона дурацкой пайты. Взгляд, который дал мне по крайней мере часть ответов. В принципе, я уже почти все поняла.

Но все равно:

– Зайдите, пожалуйста.

* * *

Он пил крепкий чай, украдкой косился на мои очки, на волосы (мало того что седые, еще и встрепанные). На грудь тоже косился, но мало. Впрочем, даже без наблюдения за его взглядами было очевидно, ради чего он пришел.

– Очень приятный чай, – хриловато сказал Куарэ, подумал и деликатно откашлялся. – Что это?

– «Красный» чай.

Мне было досадно: совершая лишние перемещения за тапочками и халатом, беспокоясь о том, как бы не приспустились очки, я передержала заварку.

Давно я так не делала.

Капсула с обезболивающим потрескивала в кармане, как пригоршня искр.

– Теплый, – сказал вдруг Анатолий с улыбкой и поставил чашку на стол. – Спасибо вам большое.

– Не за что.

От него сложно пахло – сложно и остро. Я слышала преподавательское общежитие (гель для душа, сырость, пот, еда – не какая-то конкретная, а некая общая идея разогретой в микроволновке еды), слышала других людей. И я слышала алкоголь.

«Соня, это вино. Сейчас мы с тобой его подогреем...»

И – стоп. Не буду додумывать эту мысль.

– Есть за что, – тихо сказал Куарэ, пока я отрезала себя от воспоминаний. – Вы мне очень помогли.

– Чаем?

Он моргнул, глядя на меня.

Да, это была ирония. Да, я не хочу этого знать. Да, я не хочу из-за него вспоминать что-либо. Все просто и все сложно, и даже глупый запах вытаскивает из меня такую мерзкую память.

«Мсье Куарэ, тебе лучше уйти. Что со мной творится, я обдумую потом».

– Простите, Витглиц. Я просто сорвался. Там все было весело, но я не смог.

Смотрел он только в чашку, глядя ее ручку пальцем. Он заново переживал замечательную вечеринку, на которой ему не нашлось места. Еще много будет таких ситуаций, все чаще ему придется ощущать себя посторонним. Посторонний в останках собственной жизни – это даже почти по классике.

Почти – потому что в случае с ELA самоустранение – это все-таки выбор. Но я почему-то уверена, что Куарэ пойдет как раз по моему пути.

«Почему-то? Да ты сейчас ведешь его за руку».

Он говорил, что-то спрашивал, кивал сам себе в ответ, не дождавшись моей реакции. Ему было хорошо в моей тишине, среди своих рефлексий.

– ...я много болел в детстве – простуды там разные, но старался ходить на занятия. И вот теперь думаю: а какого черта?

Он будто отгородился от работы, ведет себя как обычный смертельно больной. Потом будет понимание, что работа связывает его с жизнью. Потом будет этика. Потом – отстраненность и воспоминания.

Пока что у него есть только мой чай.

– А как вы приняли свой диагноз, Витглиц?

– Никак.

– Никак?

– Да, никак.

Я ощутила раздражение – снова. Снова прошлое, снова связь с ним. Я слышала не раз, что со мной очень неудобно общаться. Когда же это поймет Анатолий? И когда я решусь просто принять таблетку, пускай и среди ночи?

– Я больна столько, сколько себя помню.

Куарэ побледнел:

– Оу, я... Простите, мне жаль...

– Я привыкла.

Тишина. У него, наверное, много вопросов. Интересно, сколько он задаст.

– Это, наверное, из больничных привычек – ходить в ночнушке? – вымучено улыбнулся он и тут же осекся. – П-простите...

Он удивительно бестактно и точно пошутил. Знал бы, насколько точно, – был бы очень удивлен. Примерно еще на три-четыре «простите».

«– Витглиц, видеоконференция с вашим преподавателем через семь минут».

– Хорошо, доктор Сейти.

– Соня, вам нужно еще переодеться.

– Да... Действительно. Спасибо, доктор».

Анатолий молчал. Смотрел на меня, ждал чего-то.

Я очень надеюсь, что не исповеди о моей жизни. Мой чай уже остыл, а боль все не могла наиграться. А Анатолий молчал и ждал. А боль...

Хватит. Просто хватит. Это всего лишь маленькая услуга человеку, который мне помог – не больше, но и не меньше. Всего лишь чай – и пусть выговорится.

«Ты ведь за этим пришел, Анатолий?»

– Витглиц?

Это был просто мой слишком внимательный взгляд. Слишком пристальный, пускай и сквозь очки. Не знаю, что он подумал, но мне лучше так впредь не делать. Я покачала головой в ответ и поднесла чашку к губам. Прохладный чай почти обжигал, но это все-таки был чай.

– Вам и сейчас больно?

– Да.

– Из-за того, что я вас разбудил?

– Частично из-за этого. В основном из-за ELA.

Куарэ недоверчиво на меня посмотрел и кивнул, только поверив, что я серьезна. В три часа ночи намного проще относишься к раздражающим очевидностям. С другой стороны... Я отхлебнула чаю и мысленно вернулась на мгновение назад: с другой стороны, он словно бы вообще не заметил того, что я сказала. Вернее, того, как я сказала.

«Витглиц, ты несносна».

«Послушай, а можно не разговаривать в духе «Да-я-робот?»».

*«*из-за спины* Тихо, сейчас будет выступление Мисс Очевидность».*

Это утомляет. Отсутствие такой реакции настораживает.

«Соня, просто пей с ним чай. Для таких мыслей у тебя будет море времени наедине с собой».

– Я бы не смог, как вы, Витглиц. Я плохо переношу боль. Очень плохо. Когда на первом курсе...

Никто не переносит боль хорошо, но всем нравится каяться в слабости. Куарэ когда-то сломал руку и украдкой пил слабенькое обезболивающее. Ему хватило воли бросить, и это хорошо. Он зачем-то мне рассказывает о своем прошлом, и это плохо.

Все шло к открытому вопросу насчет моей боли, но в разгар его покаяния пришел звук.

В кухонную раковину упала капля воды – оглушительная, звонкая, она обрушилась на несчастную жость, будто вспышка света. Я снова – да, снова – пристально смотрела в глаза Куарэ, и потому видела, как в ответ на звук мгновенно расширились его зрачки, как вздрогнули контуры сидящего напротив мужчины. Его ELA уже полностью готова, поняла я, но сам Куарэ вряд ли готов к ELA.

– Это опухоль, да?

Он изучал свою раскрытую ладонь. Пальцы едва заметно подрагивали, но еще там унималась какая-то другая дрожь, словно бы размывающая очертания кисти.

– Да.

Он выдохнул носом и положил ладонь на стол, поближе к чашке, подальше от себя, как если бы рука превратилась в опасную змею.

– И я смогу... Взламывать чужой микрокосм?

– Можете.

Куарэ кивнул.

– Когда-то давно я от скуки... Ну да, это я ехал куда-то. Так вот, я читал брошюру о том, что рак – это инструмент эволюции. Дескать, природа подбирает ключи к следующему этапу развития человека, – Анатолий улыбнулся и пощипал себя за нос. – Мне это даже показалось забавным. Хотя я и не думал, что сам буду доказательством.

– ELA – это не эволюция человека.

Я снова поднесла чашку к губам и сделала глоток. Большой глоток.

«Спокойнее, Соня. Это всего лишь твоя боль, глубокая ночь и умный философ».

– Да? – грустно улыбнулся Анатолий. – А что же это? Мы можем проникать во внутреннюю сущность другого человека, совершать локальное искажение времени...

«Мы можем убивать такой дрожью, можем распылять на молекулы небольшие предметы...», – я могла продолжать эту речь еще долго, а он – нет.

Анатолий запнулся, потупил взгляд, и я увидела, как побелели его губы.

– ...убивать этих... Существ. Детей.

«Все же детей. Даже после всего».

– ELA – это болезнь, Куарэ. Просто болезнь.

– Болезнь? Болезнь не усиливает человека... То есть, да, цена страшная, но мы ведь не зря так засекаем? Ну, в смысле, Ангелы понятно, но мы!..

Его повело. Я слушала Куарэ и слышала отклики разговоров, умных разговоров из глубин моего прошлого. Я стояла в больничной рубашке у трибуны, передо мной был невидимый небольшой зал, а мне было больно, а в глаза бился оглушительный свет, и докладчик говорил об эволюции. Он часто звенел и булькал стаканом во время своей речи: его мучила изжога, – а меня мучили вопросами. Вскоре закрытые слушания, доклады и рвущий на куски свет прекратились. Но память – это не корзина.

«Вы хотите окончательно удалить эти файлы? – ОК».

Было бы замечательно, потому что в моих воспоминаниях много медицинских терминов, света, много серого плеска воды в стакан. И много пустых слов, симулякров моей боли.

Превосходство. Новый виток. Второй сдвиг. Второй вид.

И снова: ELA, будущее, Номо повус, превосходство.

Превосходство.

Пре...

– От эволюции и превосходства не делают лекарств, – сказала я.

Куарэ приоткрыл рот и отставил чашку:

– Лекарств? Вы сказали «лекарств»?

Я кивнула, внимательно наблюдая за его лицом. Вот оно: отчаянное желание, чтобы то, что меняет его организм, оказалось пускай и странным, но, главное, излечимым.

– Да.

– От этой опухоли есть лекарства? Но почему вы?..

Он запнулся, подавшись вперед, ко мне, и я почти видела, как надежда бежала от него. Так бежит из класса позорно ошибившаяся отличница: закусив кулак, дверь – нараспашку, так, что слезы взвесью остаются в воздухе.

Как же мне больно...

– Зачем вы так, Витглиц? Я же...

...И как же мне не совестно.

– Мне не кажется, что ваше заблуждение – удачный выход.

– Лучше как вы, да? – остро щурясь, спросил он. – Запереться, отгородиться ото всех и без лишних вопросов убивать своих учеников?

Следующая стадия: желание обидеть. Помню.

– Нет.

– Тогда посоветуйте, как лучше.

Издевка. Куарэ явно понял только то, что хотел. Разбудил меня, выпил мой чай и... И он болен.

«А еще у него проблемы с отцом», – вспомнила я. «Соня, присмотри за Анатодем», – вспомнила я.

– Лучше вернитесь в общежитие.

– Выгоняете?

– Нет.

Анатолий поднял руки, откинулся на спинку стула и рассмеялся. Смех вышел серый.

– Все, я сдаюсь. В точности, как говорила Майя. Вы неподражаемы!

«Как говорила Майя». Майя. Надо запомнить».

– Ясно, – кивнула я в ответ.

Куарэ потер глаз кулаком и с грустной улыбкой посмотрел на меня:

– А можно я к вам на урок приду? В смысле, когда вы будете хорошо себя чувствовать?

Я промолчала. У его просьбы было много смыслов, и большинство – оскорбительные. Он встал и поставил чашку на раковину, дернул за шнурок на ворота пайты. Слепо провел рукой по рабочей поверхности стола.

– Наверное, я много извиняюсь, да? – спросил Куарэ, глядя в окно. В стекле отражался он сам, отражалась моя маленькая кухня. С той стороны заглядывала невидимая осень, но никакого отношения к делу она не имела.

– Нет.

– Знаете, я не привык к этому всему. Ни на грамм, – пробормотал он, по-прежнему глядя в черное зеркало. – И не привыкну.

«Я». Вот чего много у мсье Куарэ, подумала я, ощущая новую – которую уже? – волну раздражения. И поза какая наигранная. *«Куарэ болен, – привычно отреагировал разум. – Он узнал об этом вчера, накануне ночью убил Ангела, и половину этой ночи пил с новыми знакомыми».*

Я встала, поправляя ворот халата. Ноги в тапках мерзли.

Болен, надо присмотреть за ним, он пил, – это все, конечно, хорошо, но уже почти четыре часа утра. И причем здесь я? Что-то коснулось моей руки. Я опустила взгляд и увидела почти детское прикосновение: тремя пальцами, очень бережное и неуверенное.

– Вы только не обижайтесь, пожалуйста. Хорошо?

Я убрала руку и кивнула. Анатолий кивнул в ответ и, неловко сутулясь, пошел обуваться.

– Спасибо вам, Витглиц, – сказал он – простой силуэт под слабой коридорной лампочкой. – И простите.

Хлопнула дверь, лица коснулся щекотный зябкий сквозняк – коснулся и исчез. Я подняла к глазам запястье, пытаюсь найти там что-то. Запястье как запястье, кожа как кожа. Бледная, вена светится.

«Соня, иди спать», – решила я, гася свет. Дом показался мне особенно пустым и темным, и я поспешила под одеяло. Привычно обожгла холодом кровать, привычно вломила в голову обезумевшая боль, которой надоело мое невнимание к ней.

Оставалось только лежать, греть постель и одеяло и пытаться закрыть глаза, в которых стояли колючие слезы.

«Глупая боль», – подумала я и заснула.

* * *

В голове плыло что-то сладкое, почти приторное, липкое. Я выпутывалась из него, а оно одурманивало патокой, обволакивало. Ощущение было смутным, но необычайно сильным. Приятно ломили словно бы натруженные суставы. Восприятие собственного тела возвращалось толчками, нехотя и с ленцой.

«Проспала», – поняла я еще до того, как увидела часы.

Дальше был ускоренный ритм всего. Всего – в том числе и боли. Постель – можно не собирать. Остановиться, обнять плечи, чтобы уgomонить приступ. Умыться.

Линзы.

Взятая было скорость споткнулась. Можно торопливо есть, одеваться, учить урок и пить кофе, даже внутривенный катетер можно ставить впопыхах. Но нельзя быстро надеть контактные линзы.

Или это я просто не научилась.

«Семнадцать минут урока, – считала я. – Семнадцать тридцать две, тридцать три...»
Время бежало от меня – время занятия, на которое меня даже не удосужились разбудить. Почему – подумаю потом.

Я уже на кухне, а песок в глазах все не проходит. Это не резь, не боль: я правильно поставила линзы, – это всего лишь память о ночном пробуждении, полном боли, красного чая и Куарэ-младшего, который говорил, говорил, говорил...

«А ты все думала, думала, думала...» – закончила я мысль, ощущая памятный прилив раздражения. Я ела хлебец, просовывая руки в рукава плаща.

Не забыть вытереть крошки, решила я, распахивая дверь в хмурую изморось. Черная глыба учебного корпуса маячила перед глазами, все остальное терялось за пределами восприятия.

Осторожно, Соня, смотри под ноги и будь осторожнее. Брусчатка, бордюры, лужи. А также коллеги, ученики и прочие.

– Мисс Витглиц?

Я немного замедлила шаг и повернула голову, ища окликнувшего меня. Им оказался Матиас Старк, инспектор и соглядатай концерна «Соул», только одетый в рабочий комбинезон и вооруженный садовыми электроножницами.

– Доброе утро, мистер Старк, – сказала я, переведя дыхание.

Мужчина опустил инструмент и оттянул ворот тяжелого свитера:

– Торопитесь? Я вот тоже с утра бодро взялся и что-то быстро скис. Влажность, да?

Я переступила с ноги на ногу: каблук жгли пятки, предлагая бежать дальше, но странный инспектор – такой молчаливый и угрюмый вчера – почему-то будто держал меня на месте.

Заметив, видимо, что-то, он с полуулыбкой поднял ножницы, кивнул:

– Не спешите, Витглиц. Хотя-я...

Он улыбнулся чуть шире и отсалютовал ножницами.

– Хотя так у вас даже румянец есть.

Я смотрела, как он исчезает в кустах, ветви которых запутал туман, в голове звенело прощальное «доброе утра». Последней исчезла улыбка, словно у самого настоящего Чеширского Кота. Потом в сером молоке тонко взвыл невидимый электромотор, хрустнула ветка.

«Потом, Соня. Потом».

Пока бежала к корпусу, я поняла, что меня так смутило: инспектор-садовник Матиас Старк странно держал в руках ножницы. Вся его поза – слегка размытая туманом, расслабленная – отдавала кислым привкусом угрозы. Как у крови. Как у железа.

* * *

Я замерла на мгновение у двери приемной, отогнала сложные и неприятные ассоциации и вошла.

– Витглиц? – удивилась Ая. – Ты вовремя. Я хотела тебя вызывать.

«Хотя бы где-то я вовремя», – подумала я и уточнила:

– Господин директор?

– Он, – заговорщицки понизила голос секретарша. – У него сейчас Куарэ... Куарэ-младший. Такой лапочка, прибежал десять минут назад, и директор сначала отменил вызывать тебя. А потом такой по селектору снова, говорит, найди Витглиц...

Я оглянулась. За спиной остался сырой коридор, который я впервые будто бы не заметила. И духов Аи я даже почти не слышала. Внутри все сжалось, и горели щеки – вряд ли от спешки.

– Мисс Витглиц ожидает в приемной, – сказала секретарша в микрофон, а в груди у меня отозвалось глухим ударом.

«Тише, Соня. Тише. Ты всего лишь опоздала. Всего лишь проспала».

– Пусть войдет, – гулко сказал директор Куарэ.

Шаг, шаг. Двойная дверь.

Анатолий – маленький и строгий – сидел за большим столом для совещаний. Белый свитер, встрепанные черные волосы, серое лицо. Набор оттенков, баланс монохрома. Он кивнул мне, едва обернувшись, и снова посмотрел туда, где сидел его отец.

Неизменный пиджак на спинке стула. Незыблущий блеск очков. Только мое настроение каждый раз почему-то другое.

– Витглиц, ваше опоздание будет вычтено из жалования. И уясните себе, что присматривать и утешать – это разные вещи. Оба свободны.

Его сын поднял голову и возмущенно произнес:

– Но, отец!..

Сергей Куарэ промолчал. С его точки зрения мы оба уже вышли.

За дверью приемной, вне зоны любопытства Аи Анатолий шумно выдохнул:

– Извините, Витглиц. Иногда он такой... Такой.

Я оглянулась:

– Что вы ему сказали?

– Ну, правду, – буркнул Куарэ-младший. – Сказал, что это из-за моей пьяной выходки вы не смогли нормально выспаться. И он даже как будто согласился, что виновен я.

Он согласился, подумала я. Просто сын очень плохо знает своего отца. Очень-очень.

– Все в порядке, Куарэ.

– В порядке? – возмутился он. – Он вас штрафует из-за меня!..

Я его перебила:

– Это вы лично опоздали?

– Нет, но...

Я кивнула и отвернулась. Он не знает, что такое опека за проводником. Он не знает о дополнительных медосмотрах (может быть, проводнику хуже? Доктор Мовчан слишком добра, чтобы полагаться на «может быть»). Не знает о долгих тестах в сомнологической лаборатории (нарушение сна – один из путей в безумие боли). Не знает, наконец, о психологах.

– Вы могли бы сказать спасибо, Витглиц.

Я остановилась. Меня догнала удивительно банальная реплика.

– Спасибо, мсье Куарэ, – сказала я, не оборачиваясь.

Прозвенел звонок. Сейчас его трель закончится, и можно еще что-то сказать, а потом придется идти работать. Переливы, будто бы размазанные, гулко скользили сквозь секунды.

– Витглиц, а что значит «присматривать»?

По всему учебному корпусу распахнулись двери классов. Ближе к директорскому кабинету – робко, подальше – куда смелее. Я пошла в этот шум: следя за лицом, следя за приступами. И не думать ни о первом, ни о втором. Все как обычно.

5: Из мышеловки

Методический семинар затянулся.

Сегодня докладывала Николь, и я вроде даже записала тему, и полстраницы блокнота исписала, и слушала внимательно, но... Но все было как всегда. Райли путалась в терминах, излагая проект спецкурса по валеологии, и замдиректора Марущак уже настороженно раздувала ноздри. Нос пани Анжелы был изящен, но выражение лица получалось угрожающим. Дело пахло разгромным обсуждением. Очередная попытка Майи получить в общем нужные часы шла к закономерному фиаско. Каждая запинка усиливала и без того гнетущую очевидность.

Педколлектив скучал. Трудолюбивая Николь подавала проект спецкурса уже три раза.

В большом методкабинете было душно до желтизны в глазах: окон уже не открывали, а обогрев весь день пробовали в самых разных режимах. Подготовка к зиме прошла динамично, и медсестре Райли к вечеру будет явно не до переживаний.

Карандаш валился из ватных пальцев, все вокруг сливалось в тусклый гул, подернутый переливами боли. Я понимала происходящее только потому, что это все уже было – только детали отличались.

Вот за деталями я и следила.

Перед Митниковым лежала переложенная закладками стопка распечаток. После запоя он занялся делом. Как минимум, до выхода следующего патча его онлайн-игры запала должно хватить.

Ю Джин Ким что-то увлеченно черкал в блокноте. Это было странно и неожиданно.

Энди Макото сосредоточенно смотрел в записи, поминутно дополняя их. Ничего необычного: через несколько минут он первый приступит к расстрелу Николь – просто ради благосклонного взгляда замдиректора.

Все совсем просто.

Бедная Николь.

– ...Таким образом, темы распределяются следующим образом...

Райли начала ошибаться уже в построении фраз. Кто-то сказал ей, что хороший докладчик не смотрит в записи. Причем этот кто-то постеснялся сказать Николь, что она сама докладчик плохой.

– ...Тематический контроль кон... контролируется в течение...

Учительница английского Мэри Эпплвилль оторвалась от полировки ногтей, перехватила мой взгляд и картинно закатила глаза. Мэри – человек хороший, и педагог она тоже хороший, и медиум. Но именно для таких как она в прошлых веках придумали слово «экзальтированная». А еще странно, что она заметила меня. Или не странно, потому, что рядом со мной сидел Куарэ.

Неловко извиняясь, опоздавший на семинар сын директора пошел к единственному свободному месту. Я как раз смотрела в окно, поэтому увидела в отражении выражение его лица: он был удивлен – обрадован – смущен перспективой сидеть со мной. Именно такая последовательность эмоций, а не более привычная мне: *«расстроен – расстроен – скука»*.

– ...итоговая контрольная работа...

Я вспоминала, как среди дня решила выпить кофе из автомата. Кисло-горькая жижа вливалась будто прямо в мозг, она медленно убивала своей горячей лаской, но я стояла у окна, крепко сжимала стаканчик и пила маленькими глотками. Где-то среди ароматизаторов и консервантов в напитке плавал нужный кофеин.

«Не хочу заснуть на уроке. Не хочу заснуть на уроке, – повторяла я. – Не хочу заснуть...»

Мантра действовала усыпляюще.

К двум часам дня начали сладко ныть плечи, в три пятнадцать я едва не оступилась на лестнице, направляясь в методкабинет. И теперь мне только и оставалось, что внимательно смотреть в окно, ловить детали в поведении людей и мечтать о холодных простынях.

«Николь, пожалуйста. Ну пожалуйста».

Я честно обещала себе, что выдержу обсуждение – гул голосов, многих голосов, разных голосов, – но еще полчаса сбивчивой речи медсестры вгонят меня в дрему. Куарэ косился в мою сторону с тревогой во взгляде. В стекле отражался только этот взгляд, сразу вокруг глаз Анатоля начинался ландшафт лица: прогулочные дорожки, увешанный каплями сад с беседами, а где-то за поворотом дороги дикого камня – Периметр.

Взгляд Куарэ, окруженный законным пейзажем, – это выглядело жутко.

В кармане зажурчал телефон. Три коротких толчка вибросигнала – и он затих. Николь все сбивалась, замдиректора все копила раздражение, коллеги насыщали и без того тяжелый воздух углекислотой, а я смотрела на короткое сообщение:

<Медкабинеты>.

«Не может такого быть, – думала я, убирая блокнот и ручку в портфель. – Еще совсем светло, ученики на внеклассных занятиях». В глаза словно брызнули подсоленной воды. Был еще исчезающе малый шанс, что меня все-таки хотят обследовать, но озадаченный Анатолий тоже смотрел в экран своего телефона.

Марушак вопросительно повернула голову, заметив, что мы поднимаемся, и я кивнула на дверь. Ей тоже сейчас напишут или даже позвонят, так что большего не надо.

Николь на мгновение запнулась, скучающая публика смотрела на Куарэ и на меня, и все шло своим чередом, но шло очень странно.

Я уходила не одна.

– ...П-подытоживая сказанное, – нашлась Райли, – я хотела бы отметить, что спецкурс такой структуры в выпускном классе...

Извини, Николь. Я бы с удовольствием доспала на твоём докладе.

– Что это значит? – спросил Анатолий, когда за нами закрылась дверь.

Пустой коридор разворачивался в бесконечность. Странный коридор: как если бы я стояла между двух зеркал.

– Я не знаю. Вероятно, Ангел.

Анатолий замер, перебрасывая ремень своей сумки через голову:

– Ангел? Снова? Еще один?

Я кивнула и пошла вперед. Странный взгляд Куарэ, странный коридор. Мне не нужен сейчас Ангел, мне нужно просто выспаться. За окнами клубился туманный октябрьский день, и одного взгляда в дождливую законную серость хватило, чтобы понять: это все на самом деле. А так хотелось осознать наконец, что я просто заснула под скучную сбивчивую колыбельную.

– Витлиц? А как часто они, э-э, обнаруживаются?

– Закономерностей нет.

Пустой коридор отзывался призрачным эхом. *«...Будь это Ангел, – думала я, – объявили бы тревогу».* Значит, что-то другое. Что-то странное.

«Закономерностей нет», – вспомнила я саму себя секундной давности и в который раз решила, что недосыпание – страшная вещь. Ангел проявляет себя после эмоционального или когнитивного потрясения – это закономерность за номером один.

Номер «два» я додумать не успела: мы уже стояли перед дверями медицинского кабинета. Куарэ потянул на себя дверь и наткнулся на металлическую переборку за нею. Металл матово блестел, и дополнительные ребра жесткости выделялись на его поверхности.

И это было совсем плохо.

– Ч-что это?

– Карантинный щит.

– Что?

– Отойдите, Куарэ.

Я достала свой пропуск и приложила к черной панели сканера. Сон выдувало из головы ледяным сквозняком оторопи: *«Средь бела дня? Прямо вот так? Никаких оповещений, никакой службы безопасности...»*

В стене зашипело. Медленно – как этот день, как мой сон – поползла в сторону металлическая пластина, а взгляд Анатоля выжигал мне висок.

– Что происходит, Витглиц?

В его голосе мерцал страх. Когда за дверью медкабинета ты обнаруживаешь бронеплиту – это странно и немного пугающе, даже если не знаешь, зачем она поставлена. Готова поспорить, он ни строчки не прочитал из «Специальных процедур».

Впрочем, это не имеет значения. «Специальные процедуры содержания» не предусматривают того, что я сейчас вижу.

– Я не знаю. Карантинный щит опускают в экстренных случаях.

– Экстренных? Как... Ангел?

– Да.

– Он... Там?

– Не знаю. Щит должен применяться только с общей тревогой.

Куарэ замолчал. Наконец.

Щит полз в сторону, а мое зрение менялось. Боль когтями впиалась в глазные яблоки, изменяя восприятие. А вместе с восприятием – и меня.

«Карминная дрожь» – это симптом, это боль, это рвущиеся капилляры. Это оружие.

Все, чего я коснусь, взорвется облаком пыли, но это только побочный эффект. Но важно лишь то, что у Ангела не получится меня проглотить – вернее, получится, но это все равно что глотать моток колючей проволоки.

Очень колючей, разумной и упрямой.

Внутри медкабинета все молчало и даже горел свет. Было слышно, как стало легче Анатолю у меня за спиной, было слышно дыхание: одно, второе, третье. И четвертое. Я прислушалась к мнимому пустому пространству, ловя шуршащие звуки дыхания.

Раз. Я сама. После удаления метастаза похрипывает левое легкое. До сих пор.

Два. Анатолий Куарэ. Он когда-то курил, но это было давно, а сейчас у него в крови много адреналина.

И еще двое, причем один из этих двоих – ученик. Ученица.

И она спит.

– Доктор Мовчан, – громко сказала я, опуская напряженные руки, – мы пришли.

Из двери, ведущей в приемный покой, тотчас же высунулась голова доктора. Женщина приложила палец к губам и поманила нас за собой. *«Это глупо»*, – решила я и сделала на пробу скрипучий шаг. Толченное стекло в коленях, толченное стекло в глазах и непозволительно много мыслей о самочувствии.

– Она спит, – полупшепотом объявила Мовчан, указывая на девушку, которая свернулась клубочком под белыми простынями. Прямо на койке для осмотров.

Я терпеливо ждала: мозаики событий пока что не хватало. Всего-то: спящая ученица, карантинный щит на двери и доктор Мовчан, переживающая за здоровый сон лицеистки.

Ужасно завидую последнему кусочку мозаики.

– Это Кэт Новак, 3-С. Ее нашла уборщица под западной лестницей, – Мовчан задумчиво покрутила сигарету, потеряла ее, но все же спрятала в карман. – Ммм... Ее крепко помяло, но она ничего не помнит.

Кэт, вспомнила я. Она писала плохонькие эссе, но у нее всегда была впечатляющая пространственная и зрительная память. И она любила свои французские замки.

«Вернее, «любит», как я понимаю».

– «Помяло»? На нее напали?

Это Куарэ.

– Да. Но не в том смысле, о котором ты подумал, – кивнула доктор. – Персонапрессивный удар, степень этак вторая – третья.

Я спиной чувствовала растущее недоумение и поспешила ускорить неизбежное.

– Он не читал «Специальные процедуры содержания».

Мовчан посмотрела на Куарэ поверх очков и рассеянно заправила локон за ухо.

– Это правда?

– Да, – быстро и с явным вызовом в голосе ответил Анатоль.

Он обиделся. Глупо.

– Понятно. Не выйдешь отсюда, пока не прочитаешь параграфы безопасности и терминологии. И учти, это не инструкции по ТБ, подписью не отделаешься.

Голосом доктора можно было до блеска отскрести даже самую грязную тарелку. Женщина повернулась ко мне, а я по-прежнему ничего не понимала.

И, как это ни ужасно, снова хотела спать.

– Соня, это Ангел. Я не понимаю, что происходит, но ее помял Ангел.

Она устала. Возбуждена и устала.

Мовчан села на стол и, тряхнув головой, закурила.

– Ее надкусили и бросили, ребята. Причем надкусили с умом, я даже по сомнографии едва поняла, что произошло. Чуть на эпилепсию не списала, дура старая.

«Так не бывает», – была первая мысль.

– Почему вы решили, что это Ангел?

– Остаточное синее излучение, – сказала доктор, внимательно следя за связкой дымных нитей. – Едва заметное. Но я его увидела.

Ангел, который не поглощает всех и вся на своем пути. Не растет, не развивается в свою нечеловеческую форму. Это как *«я научился бегать, но делаю по шагу в день»*. Или: *«у меня после «мыльницы» появилась зеркальная камера, но я все равно работаю «мыльницей»*.

Нет, и еще раз нет. Это слишком не по-ангельски. Слишком по-человечески.

– «Помяли», «укусили»... – вдруг сказал Куарэ. – Я, конечно, понимаю, что я не читал...

– «Мнёт» персонапрессивный удар, Куарэ. Персонапрессивный удар – это вторжение в микрокосм, – холодно ответила Мовчан. – Уничтожение грани между твоим «я» и «я» агрессора.

– Вторжение в душу?

Доктор Мовчан вздохнула и не глядя опустила сигарету в пепельницу. Глава научного отдела лица очень не любила слово «душа». Мсье Куарэ только что или заработал себе развернутую лекцию, или попал в список неприятных доктору людей.

Впрочем, ни первое, ни второе меня не волновало: Мовчан снова забыла, что при мне курить не стоит. Забыла об этом и я. Я подняла руку, я старательно дышала носом, ощущая, как внутри становится все меньше места для воздуха, будто бы я вдыхала его в шагреновую кожу.

Бум. Бум. Бум.

Если бы мне не хотелось спать, я бы сообразила раньше. Если бы Куарэ не пришел ко мне ночью, я бы не хотела спать. Все просто, решила я: во всем виноват Анатоль. Колени стали наконец ватными, и я облегченно полетела куда-то вниз.

«Хотя бы выплось».

* * *

Я очнулась на тахте. Под переносицей взрывался льдом нашатырь, в боку кололо. Было еще какое-то странное ощущение, но сознание возвращалось толчками, мысли путались, а плечи еще помнили, как меня поднимали, несли.

Мир был серым в красную прожилку. А потом пришло сияние.

– Соня, детка, скажи, что ты видишь свет.

А, да. Я выдохнула, ощутив новый удар боли в боку, и зрачок заработал как надо.

– Вижу, доктор Мовчан.

– И что ты меня простила.

– Я вас простила.

Сейчас речь пойдет о футболке с надписью «Не курить», а я тем временем припомню, что курение убивает, и в моем случае это не гипербола. Уже пятая ошибка доктора, и три раза до того я успевала выйти из никотинового облака.

– Витглиц?

Еще одно лицо. Это он перенес меня на тахту, поняла я. Я откуда-то знала, что Куарэ чуть не уронил меня от волнения, а пока Мовчан колола антигистамины, он почти отгрыз себе большой палец.

– Куарэ.

– Вы... С вами?..

– Я в порядке.

Мне удалось сесть – хотя и не без помощи стены. Медкабинет светился своим странным светом – точно каждый белый предмет здесь был источником сияния. Мовчан убирала в лоток шприц, ампулы и комки ваты – тоже светящиеся, – и в глаза мне старалась не смотреть. А в паре метров от меня по-прежнему спала маленькая Кэт Новак.

– Надо найти слепок Ангела, – сказала я вслух, глядя на девочку.

У нее тонкие губы, и она удивительно тихо спит.

– Обязательно, – оживилась доктор. – И ознакомить медиумов с этим слепком.

– Я готова.

Тишина получилась громкая и хрупкая.

– Соня, деточка... – растерянно сказала Мовчан. – Ты уверена, что можешь?..

Я прислушалась к себе: могу, конечно. Могу, хотя и многовато «но». Ответный взгляд у Мовчан получился мягким, но изучающим. И она не хуже, чем я понимала, что действовать надо быстро.

Хотя бы потому, что девочка проспит еще только час или два. Мовчан кивнула, и я подошла к ученице, убрала локоны, скрывающие ухо. Я вглядывалась в завитки, я искала самый мягкий путь внутрь – как звук, как яд. В голове, там, где болезнь выела себе гнездо, что-то шевельнулось. Что-то любопытное и жадное. Я вздохнула, вбирая последний глоток воздуха этого мира – и очнулась на полу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.